

ОПОРА И НАДЁЖА ДРУЖБЫ

ОТ ИМЕНИ И ПО ПОРУЧЕНИЮ

Послевоенный и последующие годы прошли под лозунгом восстановления народного хозяйства. Вплоть до облагораживания природы лесополосами. В не меньшем, если в не большем, внимании нуждались люди. Однако, благие намерения начались и закончились выдворением безногих инвалидов из больших городов. Дабы эти попрошайки не портили настроение оставшимся в живых. Справедливости ради, надо сказать об артелях для инвалидов. Их постигла судьба коллективных хозяйств в сёлах да деревнях. От тех времён остались производства, выпускавшие розетки, выключатели и прочие бытовые причиндалы.

В стороне от забот государства – почти два поколения молодых людей, чьё детство и юность пришлись на самые голодные годы. В отличие от остальных иждивенцев, то бишь нетрудоспособных, им полагалось по карточкам не 300, а 400 граммов хлеба в день. Положенное далеко не всегда удавалось отоварить.

Среди моих друзей далеко не все дожили до пенсии. Витя Михайлов успел оформить пенсию по достижении 55 лет (северные льготы!), Валику Прянишникову по законам Средней полосы пенсия была положена с 60 лет. Он дожил, но не получил на руки возрастное вспомоществование. Да к тому времени оно успело скукожиться до стоимости обеда в столовке. Только два друга ушли из жизни после семидесяти лет, остальные до. Стране отдали всё сполна, полновесным трудовым стажем. Взамен, получили кукиш с маслом. Государство, на которое они вкалывали, затеяло генеральную перестройку, наплевав на нужды «личного состава», ради которого, если верить политикам, задумываются преобразования.

Война догоняла свои жертвы. Туберкулёз, тот самый, лёгочный, прозванный чахоткой, доконал на пике блестящей инженерной карьеры одного из моих старших товарищей. Второго подстерёг тромб, затаившийся в глубоком подполье кровеносной системы. Третьего, здорового парня, таких обычно на плакатах рисовали, свалила целая охапка недугов, поскольку занятость на производстве не давала ему возможности отвлечься в отпуске на санаторий. И так далее, и так далее.

Знаю и уверен, проживи мои друзья с моё, страна, общество – и в целом, и в частности – стали бы лучше. И богаче. Но выпало жить только мне. Очень может быть потому, что отличался слабоватым здоровьем. По причине тифа, перенесённого в войну. Не доводил себя до изнеможения. Пытался, конечно, но не всегда получалось. Или генетика сказалась. Отец мой дожил до девяноста лет, родная сестра матери почти до ста.

Порой посещает мысль, что живу как бы по поручению своих друзей. Будто они возложили на меня эту миссию. Далеко не всегда удавалось отдать близким людям последний долг. Они не зовут меня к себе. Наблюдают со стороны. Сверяю свои поступки с их представлениями о жизни. Не всегда получается. Но стараюсь по мере сил.

ВЫПАЛИ ИЗ ДЕТСТВА

С возрастом люди впадают в детство. Моё поколение, надвое разрезанное той войной, выпало из него 22 июня 1941 года. Ах, как завидовали мы шедшим следом. Они могли дружить с ясельной группы до выпускного класса. Вместе учились в техникумах-институтах, вместе работали. Мои сверстники по киевскому Подолу были лишены возможности расти рядом и формироваться. Хорошо ещё, что в живых остались. Из Киева меня увезли пятилетнего. Вернулся двенадцатилетним. Знакомые дома и улицы напоминали об их обитателях. В ответ короткий адрес:

– Ушли, увели в Бабий Яр.

Как-то разыскал по телефону подругу по детскому саду в Днепровской (Пинской) военной флотилии. Нас называли женихом и невестой. Мы с нею даже в эвакуации пересеклись. В беспросветном сорок втором году. Питомцев детского учреждения флотилии собрали в школе на берегу реки Миас и целый месяц оздоравливали. Подкармливали. Фарфоровые тарелочки предназначались девочкам. Нам, рыцарям, достались глиняные миски.

Кормили почти как до войны. Без манной каши, зато к чаю полагался колотый рафинад. Я кусочки сохранял, для деда. Они с бабушкой приезжали меня проведать. Тогда впервые увидел деда плачущим. Он, днепровский речник, поражал жителей сухопутной станции за Уралом кителем с начищенными пуговицами. Когда дед облачался в форму, бабушка имела право идти только сзади. Как сугубо сухопутный элемент.

Нам, помнящим золотой песочек Днепра и Десны, илистые берега Миаса казались грязноватыми. Мы рассказывали новым знакомым о песчаных пляжах, о яблоках и грушах. Они приносили нам местные «земляные яблоки» – молодую картошку. И смачно хрумкали, нас угощали. Фу, какая гадость! Но съедали без остатка, демонстрировали воспитанность. С чем мы не могли согласиться – с уничтожением гнёзд воробьёв. Пацаны их считали дармоедами и обзывали жидами. До сих пор уверен, что оскорбительное слово впервые услышал в мальчишеской интерпретации.

Имя довоенной невесты засело в голове. Или это мама мне напомнила. Я-то попал в детский сад флотилии (второй этаж слева в теперешнем четырёхэтажном полукруглом здании главного корпуса Могилянки), как сын сверхсрочника, командира полукэпаша охраны. Заведовала садом супруга какого-то большого начальника. После войны на разных комсомольских мероприятиях всплывала фамилия её дочери – активистки из соседнего района.

Спустя почти семьдесят лет разыскал по телефону эксневесту. Она многие годы была директором школы № 25 (до войны в ней учился гроссмейстер Давид Бронштейн). Не меняя кабинета, возглавила самую престижную в Киеве гимназию. Дама отказалась погружаться в прошлое, не признала и не узнала. Утешился мыслью Войновича: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло».

ОБА ЯШИ

Родился я в Киеве, на Подоле. Предки мои по материнской линии перебрались сюда из-под Нежина. Не по своей воле, по приказу верховного главнокомандующего царской армии. Из мест возможного наступления австрийских войск евреев, на всякий случай, переселяли в большие города. Весной 1915 года здесь родилась мама, первенец. Если вспомнить, что на Подоле проживали четыре-пять поколений родственников отца по бабушке, я со всех сторон коренной киевлянин.

В школе № 10 (судя по магендовиду над входными дверями здесь до 1937 года велось преподавание на идиш) в моём классе из сорока учеников тридцать пять были евреями. После перестройки, когда вернулся с севера в родные пенаты, застал только Гришу Ханивецкого. Остальные уехали. Известно в каком направлении. Не ради себя, ради детей. Мой класс окончил школу в 1953 году, в начальный год послаблений. У многих отцы погибли на войне, им по советским законам полагались поблажки при поступлении в вузы. Самый, что ни на есть способный ученик нашего класса, Боря Векслер, всю жизнь проработал резчиком металла на верфи завода «Ленинская кузня».

За шестой и седьмой классы я не успел обрести друзей «еврейской национальности». Разве что Мирон Петровский, литературовед и филолог, но он не в счёт. Познакомился с ним уже после техникума. Разница в возрасте в 4 года (когда тебе 18 – это много), плюс всё увеличивающаяся диспропорция в знаниях, в глубине проникновения в материал. Журналистика, которой увлёкся, имеет некоторое отношение к науке (как утверждали преподаватели нашего факультета в университете), но глубиной всё же отличается от серьёзных изысканий. Журналистика – движение вширь, филология – вглубь. Им не всегда по пути.

Если бы не война и её последствия, мы бы накрепко сдружились с двоюродным братом Яшей. Его и моя мама называли первенцев именем своего отца. Квартира наша принадлежала синагоге маляров, расположенной за углом, на Щекавицкой. Единственном молельном доме, что сохранился на Подоле. Ремесленники-евреи предпочитали молиться в кругу профессионалов. В Кабыще под Нежином дед служил кантором. Баритон деда передался по наследству брату Яше.

Пароход, с семьями командиров Днепровской флотилии шёл вниз по Днепру. Ночами. Днём прибывался к вербам днепровских островов. Взрослые высыпали на берег, наламывали веток, мы тоже при деле. Ловили стрекоз, втыкали в их туловища спичку или веточку и отпускали на свободу. Истошно жужжа, почти, как бомбардировщики, стрекозы низко стелились по воде. О своих дурацких шутках мы вспомнили спустя несколько дней в Днепропетровске, когда под бомбами

пересаживались из парохода в теплушки. Ах, какой надёжной защитой казались нам стальные рельсы.

Осенью сорок второго, за Уралом, мы с Яшкой насобирали несколько наволочек колосков, что остались в поле после комбайна. Назавтра опять пришли, а вдоль кромки солдаты с ружьями. Строго следили до вечера, пока трактор поле не перепахал.

Репродуктор, чёрная картонная тарелка, не выключался с утра до вечера. Чем дальше, тем труднее разобрать слова. Сплошной треск и грохот. Подобные звуки спустя двадцать-тридцать лет издавал радиоприёмник по «Голосу Америки». А музыкальные программы, вперемешку с текстами сказок, можно было расслышать.

Керосиновая лампа со стеклянным абажуром – дефицит из дефицитов. Единственный источник света – коптилка, баночка с керосином и выведенным наружу фитилём. Но если залезть под кровать, приставить к пламени стёкла дедушкиных очков – такие яркие круги по комнате разбегаются. Не оторвёшься. Да обёртка оправы очков – из целлулоида, горит бенгальским пламенем. Дед обмотал железную проволоку бинтом. Новые очки не смог заказать. Негде.

Наверное, и точно мы с Яшкой выросли бы если бы не друзьями, то близкими друг другу людьми. В те редкие часы и дни, когда доводилось встречаться спустя годы, что-то нас друг к другу тянуло. Хотя профессии, среда и опыт жизни развели по сторонам.

УЧИТЕЛЯ И ОДНОКЛАССНИКИ

Яша – единственный сверстник, с кем бок о бок я прожил около двух лет. До возвращения в Киев, «менял школы, как перчатки». После выхода из окружения из-под Киева и после Сталинграда отец служил в военно-речных частях – в Красноармейске под Сталинградом, в Павловске на Дону, в Астрахани на Волге, в Риге на Даугаве. Мы при нём. Имелась у офицеров такая привилегия вызвать к себе семью.

Первую четверть отучился в школе на станции Каргополье будущей Курганской области. Первую тетрадку мама мне сшила из старых газет. Чернила расплывались. В сельских школах на Волге снабжение было не лучше.

Период, когда закладывается разборчивый почерк, просвистел мимо. За год менял одну, две, а то и три школы. В одних городах учебные заведения успели разделить на мужские и женские, в других начальные классы комплектовали по-старинке.

Несколько раз выпала привилегия мальчиков. В школе учеников подкармливали чаем с булочкой. Бесплатно. Буфетчица брала с уроков очередного помощника и приносила к обеденному перерыву два мешка серых булочек. Они были строго подсчитаны-пересчитаны, но помощнику разрешалось сунуть руку в мешок и вытащить полную жменю крошек. Никто из нас от такого допайка не отказывался. Уж очень есть хотелось. «Дай укусить!» – святая просьба, отказать и не поделиться стыдно.

Черета школ не могла не сказаться на оценках. По самый шестой класс с трудом нашкрябывал тройки по многим предметам. Пиршества на деревьях шелковицы или на лугу с молодым чесноком – перед глазами, игры с взаправдашним оружием – немецкой винтовкой без затвора или автоматом ППШ со сбитым бойком – это пожалуйста. А читал ли книги или делал уроки – в голове не удержалось.

Трудно давалась учёба и в Киеве. В классе сорок гавриков, учились в три смены. Дома условия аховые – в комнате пять человек, удобства и вода – во дворе. Не то, что с книгой, просто присесть порой негде. Многие одноклассники вернулись из эвакуации на два или три года раньше. Пообвыкли. А мне опять вживаться в новую среду. Лишь где-то к концу седьмого класса в таблице появились четвёрки и пятёрки. Так и не стал своим в классе. Потому возможностью поступить в техникум воспользовался с радостью.

Сыграла роль стипендия, на сотню превышающая аналогичное пособие в учебных заведениях не горного профиля. Повышенная стипендия равнялась минимальной заработной плате. Но мечтал не о ней. Как бы от сессии до сессии на тройках перебраться. Стипендия собрала в стенах горного техникума крепких ребят со всей Украины и за её пределами. Начиная с солдат, вдвое переслуживших срочную службу мирного времени – в ожидании, когда смена подрастёт. Техникум предоставлял благоустроенные общежития.

Оба здания техникума до сих пор при деле. Министерство впоследствии уступило свои пенаты газовому, тоже не самому бедному ведомству. Крещатик и прилегающие здания восстанавливали военнопленные немцы. Им, кстати сказать, зарплата полагалась. Они в обеденный перерыв хрумкали яблоки. Мы смотрели и облизывались.

Угольная промышленность помогла Киеву и его Крещатику подняться из руин. Энтузиазм под лозунгом: «Люба, сестринько, мілий братіку, попрацюємо на Хрещатику» сделал своё дело, кинул в помощь строителям поредевшие ряды киевской интеллигенции. Но о плече угольной промышленности, тоже не стоит забывать. А что выпускники горного техникума чуть ли не строем стали работать на прокладке киевского метро – особый разговор. Для поступления на подземную стройку требовались очень проверенные кадры. Как для работы, на оборонных предприятиях.

В характеристике после 7-го класса классная руководительница, преподаватель русского языка, посчитала нужным отметить: «Сам пишет стихи». Достоинств в учёбе у меня просто не было. А зияющих пробелов в элементарной грамотности – вагон с тележкой. Диктантов в школе, потом в техникуме, потом на факультете журналистики, боялся, как чёрт лаdana.

Вряд ли здесь можно кивать на семью, где идиш у нескольких поколений был разговорным, а русский появился вместе с советской властью. На киевском Подоле мы росли и варились в среде, густо замешанной на идиш, украинском и русском.

В Ригу (Московский фурштат, наш дом – между православным, еврейским, католическим кладбищами и пересыльной тюрьмой) я приехал нормальным двоечником, не всегда понимающим, чего от него хотят учителя. А они здесь в

основном состояли из русских, сбежавших в Латвию от Советской власти. Сопоставил и вычислил потом. Учительницу, обратившую внимание на мои поэтические способности, звали Валентина Павловна Пчельникова. Она, вроде, поощряла мои старания, даже подтолкнула к написанию клятвы в стихах с обещанием исправить «двойки, хоть на балл». И поместила в стенгазете (первая публикация!) мою клятву со своим комментарием: «Вот так слово пионерчик дал!». Думаю, Валентина Павловна сводила счёты совсем не со мной.

В августе 1991 года (в том самом!) побывал проездом в Риге. Здание пересыльной тюрьмы перепрофилировали в военкомат, на месте еврейского кладбища – сквер. А на парадном школы увидел ... магендовид. До войны здесь велось преподавание на идиш. Спросить про послевоенную учительницу не у кого. Из соседей по дому никого не осталось. Все новые, незнакомые.

В Киевской школе на меня обратил внимание учитель украинского языка Александр Владимирович Тесля. В школьном альманахе (рукописном) он опубликовал мой перевод на русский язык Гимна УССР, сочинённого министром просвещения Т. Г. Тычиной. Спустя годы оказалось, что первая для обоих газета, многотиражка «Арсеналец», тоже была общей. Начинал Тесля свою учительско-журналистскую стезю (именовал себя и тем, и другим) с редакторства «Молодого чернопрапорница» – так до войны назывался «Арсеналец».

НЕСЛАДКАЯ СУДЬБА ПРЯНИКА

Четыре года – достаточно времени, чтобы присмотреться друг к другу, найти точки соприкосновения. С оглядкой на разговоры и умолчания того времени. Но лишь спустя время после техникума, включая срочную службу Вали Прянишникова, узнал подробности его вынужденной жизни в Архангельской области. Оттуда он приехал поступать в техникум. Детали раскрылись на его свадьбе, где собрались родители и их друзья по революционным и последующим годам.

Нынче, наверное, и старожилы позабыли, что несколько районов Черниговской области во времена императрицы Елизаветы Петровны заселили русские, православного вероисповедания, староверы. Веру отцов-прадедов переселенцы с севера сберегли, на могилах семиконечные кресты. Имена своим детям в святках выбирали придирчиво. Отца Валика звали Корнилом Ивановичем, маму Варварой Титовой.

За сто пятьдесят лет на новом месте староверы жирком не обросли. Что и толкнуло их в Красную гвардию и в комсомол. Когда Валя женился, Алла Пугачёва, как певица, ещё не родилась. За столом звучали хиты того времени – на слова Исаковского с Матусовским. Но как доходила очередь до реабилитированных комсомольцев, начинали звучать мелодии времён Стеньки Разина и других старых шлягеров. Наполненные новым революционным и богоборческим содержанием:

**Комсомолец, зажги факел!
Мы, рассеем тьму небес.
Говорят, у иудеев
В эту ночь Иисус воскрес.
И крестом, словно лопатой,
Стал он деньги загребать,
С мертвеца, да и с живого,
Беспощадно шкуру драть...**

За плечами революционная молодость, десять и более лет отсижки в местах очень отдалённых. А надо же, никаких других песен так и не сподобились выучить.

В годы завинчивания гаек Корнил Иванович, партийный активист, не смог жить с мыслью, что всю молодость боролся за то, чтобы сёла от голода вымирали. Написал заявление об уходе по собственному желанию с командной должности, перестал платить членские партийные взносы. Его тихо исключили. Вспомнили о нём в жестоком 37-ом, посадили на десять лет без права переписки.

Лагерь Корнила Ивановича находился в районе Плесеца. Поначалу заключённые готовы были благодарить за гигиеническую процедуру – за прожарку одежды и обуви. Одежда температуру выдерживала, а обувь скукоживалась до ползунковых размеров. Обмороженные ноги – первая из неисчислимых напастей, что наваливались на заключённых. Единственная возможность доказать, что ты не враг – вкалывать из последних сил. Норма на человека с лучковой пилой – 30 кубометров древесины. На двоих – все 60. Справлялись. Зимой и летом, когда гнус досаждал. Накануне свадьбы Валика Корнил Иванович съездил в гости к старшей дочери, она осталась с внуками в Плесеце. С удивлением узнал, что норма для лесоруба, оснащённого бензопилой «Дружба», всё та же – 30 кубов...

С Валею Пряником (кличка закрепилась с первых дней, из-за конопушек, обсевших его лицо) все четыре года просидели за одной партией. Вместе жили на производственных практиках. По очереди лежали на койке у печки, что с утра до вечера топилась углём и к которой опасно было прикасаться плечом. В Подмосковном угольном бассейне смотались на майские дни в Ясную поляну, попили водицы из деревянной бадьи у колодца. На всю жизнь запомнился запах лошадиного пота.

Тётя Валика до войны работала инструктором ЦК КПУ. Когда мы учились в техникуме – директорствовала в школе рядом с бывшим Еврейским базаром, Площадью Победы. В обвинительном заключении, с которым отец Вали смог ознакомиться после реабилитации, ему вменяли в вину родственную связь с... родной сестрой.

Отца реабилитировали. Переехать обратно в Добрянку и рад бы, да некуда. Дом без присмотра развалился. Валя, старший мужчина после отца в семье. В техникуме ещё можно было так-сяк проваландаться и не рваться по примеру демобилизованных коллег на рабочие должности. Хватало дублерских, 4 рубля в день. Я на дублёрские купил себе к окончанию техникума часы – большая ценность в те времена.

В группе Валу, обладателя природного чувства слова, называли критиком. Он отбросил в сторону мысли о газете или учительстве в школе, пошёл слесарем в строительную организацию Чернигова. Единственная возможность получить квартиру и перевезти родителей. Жил в общежитии, в комнате на двадцать коек, с прикрученной к спинке кровати лампочкой. Пробовал писать в этих условиях. Но его быстро вызвали, куда следует, и напомнили о чём следует не забывать сыну репрессированного.

Рукописи не вернули, записные книжки тоже. Валя не отступил. На излёте Горбачёвской перестройки в Добрянском леспромхозе, откуда увели в тюрьму отца, он издал воспоминания родителей – итоги своих поисков. Отца после десяти лет за решёткой оставили в лагере вольнонаёмным специалистом. Без права покидать эти места. Всем в ту войну было несладко – и в глубоком тылу, и под оккупацией. Семье репрессированного Прянишникова – хуже. Фашисты умели отличать истинных коммунистов от примкнувших к ним деятелей. Отец в конце 47-го выписал маму с Валею к себе. Подкормить и просто снова пожить людьми. Так что возвращение родителей в Черниговскую область для Вали было не просто сыновним долгом – душевной обязанностью.

Много лет Валя проработал электрослесарем на заводе химического волокна. Там платили на десятку больше. Умер за завтраком. Положил в тарелку ложку с кашей и упал лбом на стол.

Мне порой кажется, что моё относительное долголетие – в некотором роде завещание моих друзей. Ребята были здоровее и крепче меня. В отличие от сверстников отжаться от пола или подтянуться на турнике мне всегда было непросто.

На севере, где лыжные прогулки на «освещёнке» (освещённой трассе) считались нормой – не особо накручивал круги. А уж махнуть на 10–20 км – вообще не для меня. Такие вот пироги. Чем дальше, тем чаще думаю, а как бы они поступили в том или ином случае на моём месте? Хочется верить, что произнесли бы «Нормально, старик!».

ВДАЛИ ОТ СЦЕНЫ

Виталий Михайлов учился в 56-й группе, я – в 55-й. С группы Виталия начиналось следующее отделение – шахтостроителей. Где впервые столкнулись – не помню. То ли запало в душу, как он читал Маяковского, то ли познакомились в литстудии. Витя писал стихи на хорошем уровне.

На отца пришла похоронка ещё в финскую. Жизнь впроголодь в тыловой Сибири. К Победе мама вышла замуж за аэродромного командира. И отец появился, у него тоже новая семья. Отчима из-под Иркутска перевели служить в Кировоград. Так Витя оказался в киевском горном техникуме.

Наверное, и точно, Витя обладал, как теперь говорят, харизмой актёра. Иначе бы его не пригласили в единственный в городе самодеятельный народный театр при Клубе пиццевиков, на Подоле. Шёл 1954 год. Год окончания техникума и год торжественного празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Пригласили на роль заглавного героя – гетмана Богдана Хмельницкого. Высокий, красивый, косая сажень в плечах. А что яркий блондин, так это поправимо. Как и бутафорские усы. В отличие от других спектаклей народного театра, это представление повторяли весь май. И июнь прихватили. Даже открытие постоянного моста имени Патона через Днепр прошло в городе по-второму разряду.

За Витину судьбу боролись театральные институты Киева и Ленинграда. Но, как дисциплинированный комсомолец, он поехал по распределению на строительство шахт в Воркуту. Не успел приступить к должности – повестка в армию. Вернулся, а дом – уже в Ирпене, под Киевом. Отчим там построился.

Надо бы устроиться на работу, но куда? Я к тому времени служил в электроотделе проектного института лёгкой промышленности. Витю начальник отдела кадров оформил, ни с кем не консультируясь. Его привлекла национальность в паспорте, в корне отличающаяся от состава основного контингента. Опять же секретарь комсомольской организации обратила внимание на техника-строителя. Девушка положила на Витю глаз и уже не отводила до комсомольской свадьбы. Молодые уехали на родину активистки, в Донбасс, в Северодонецк. Город так стремительно строился, что в его название не успели попасть несколько букв из пахнувшего далёким средневековьем Северского Донца. Там и с жилплощадью полегче. В Киеве ничем кроме койки в общежитии не пахло.

Пропущу несколько лет, когда мы виделись изредка. Или он приезжал в командировку в Киев, или я заворачивал с маршрута газетных командировок. Витя стал отцом сына и дочери. Меня умиляли выключатели у туалета и ванны. Их Витя вдолбил в бетонные стены на уровне колена, чтобы сын и дочь росли самостоятельными. Я восхищался, а на голову Вити сыпались громы и молнии. Пока супруга ожидала в роддоме дочь, Витя ускорил получение трёхкомнатной квартиры. Пусть на первом этаже, зато ложка успела к обеду. Правда, без балкона. И пыли от дороги много. Первый этаж спустя годы помог наследникам побыстрее избавиться от жилплощади в Северодонецке и перебраться в Киев. Квартиру купил хозяин частного магазина. Но это случилось глубоко потом, лет через двадцать пять. Вити уже не было в живых.

Забот у заместителя директора по капстроительству известно сколько. Витя находил время для самодеятельности, дышал полной грудью в кругу единомышленников. Могу подтвердить. Пару раз довелось присутствовать в Северодонецке на спектаклях в ДК. Увлечение в конце концов, закончилось... разводом. Следующий звонок от Вити был уже с Кольского полуострова, из Апатит. Вскоре его перевели в Ковдор – опыт заместителя директора по капстроительству оказался очень востребован в Ковдорском ГОКе. Предстояло коренное увеличение мощностей с утроением номенклатуры сырья из той же горной массы.

А у меня в Киеве трудности с работой. Польский лидер, кажется, Гомулка, то ли стал заигрывать с Израилем, то ли у него жена еврейкой оказалась. Проштрафился, в общем. Киевский ЦК принялся наводить порядок в газетах да издательствах. То есть, избавляться от сотрудников, у которых слог «ко» стоял не в конце фамилии, а в начале, например, Коган... Я перепробовал все возможные варианты, включая газету

Киевского военного округа. Приходил к мысли, что пора прощаться с газетой. Руки опустил.

Витя позвонил и сказал, что их многотиражке нужен редактор. Так-то оно так, но этот вопрос относился исключительно к компетенции парткома. О чём директор ГОКа напомнил Вите, когда я прикатил в Москву знакомиться с работодателем. Оба утрясали план в министерстве. А я уже настроился... Месяц спустя из Ковдора такти пришёл вызов. Иначе в эту точку Заполярья не попасть – пограничная зона. Финляндия, хотя и нейтральная страна, но капиталистическая заграница. Весьма заинтересованная в дружеских отношениях с СССР. При встрече их зелёные околышки первыми отдавали честь нашим погранцам и регулярно сдавали с рук на руки перебежчиков. Другое дело, что следом присылали бумагу с требованием вернуть... стадо оленей. Наши погранцы посылали запрос в Ловозеро и перегоняли означенное число. До последнего телёнка.

Мне предстояло чистилище в виде бюро Кировского горкома партии. Секретарь парткома Ковдорского ГОКа, присутствовавшая на церемонии вместе со мной, удивлялась, почему это столь незначительный вопрос – утверждение редактора многотиражной газеты – первый секретарь горкома взял на себя. Не садился, пока члены горкома не одобрили предложение. Моя должность – в лучшем случае забота зав. отдела пропаганды или даже инструктора. Но ортодоксов могла смутить моя национальность. Первый хорошо это понимал и взял ответственность на себя. Кстати, фамилия кировского генсека не имела ничего общего с евреями – Гельманами или Гильманами. Тут надо бы поискать тюрские корни. Первый был башкиром по национальности.

В должности зама по капстроительству Виталий Фёдорович, как выразился бы Шура Балаганов в «Двенадцати стульях», забурел. Не позволял себе играть на сцене народного театра. Разве что посещал репетиции и прогоны. Считалось, что должность и обязанности зама по капстроительству не оставляют времени для досуга. Его и не было. Витя мотался между Кировском, Мурманском, Ленинградской «Гипрорудой» и Министерством в Москве.

Комбинату жилось всё сложнее. Особенно в предпусковой период. Одно дело сыграть на «балалайке» одну мелодию в виде железного концентрата. И совсем другое последовательно извлекать из руды три компонента. Плюс к железу – апатит и бадделеит. Плановые заказчики не сразу приноровились к особенностям ковдорского апатита. ГОК позабыл о прогрессивках и доплатах в виде 13-й зарплаты. Естественно, виновный был найден – в лице зама директора по капстроительству. Даже увеличение (его стараниями!) зарплат на 10 процентов (за химическую составляющую) не сняло с Виталия Фёдоровича общественной опалы.

Витя отдал комбинату почти двадцать лет жизни. В личном деле – одна единственная благодарность. Нет, не за работу и достижения. Как активисту, ко Дню милиции. Все годы Витя не забывал о сыне и дочери. Они остались в Северодонецке. 33 процента северной зарплаты позволили обоим окончить в Харькове институты, вступить в самостоятельную жизнь подготовленными людьми.

Вечерами Витя читал друзьям Маяковского. Порой вспоминал, как он на равных поступал с Сергеем Юрским в театральный институт в Ленинграде. А я по мере сил помогал зализывать моральные травмы, в том числе и выговор, полученный за распоряжение облагородить стандартные железобетонные колонны в фойе ДК пеньковым канатом. Непривычный дизайн колонн показался ответственным за финансовое состояние ГОКа напрасной тратой денег.

ПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА

Вернусь в пятидесятые. После смерти Сталина, жизнь бурлила и набухла ожиданиями. Люди постарше опасались заглядывать в будущее. Всё равно казалось, что худшее позади. Вместе с погибшими в давке у Мавзолея, замёрзшими и задавленными на улицах Москвы и на железнодорожных станциях. Число желающих проститься с Иосифом Виссарионовичем явно не совпадало с количеством мест в поездах. Несколько ребят из нашей группы таки смотались в столицу. К счастью, вернулись целыми и невредимыми. Актрису Ольгу Аросеву, чьи родители пострадали в период «культы личности», затолкали беременную в очереди на Красной площади, она потеряла будущего ребёнка. В силу общественного положения – редактор стенгазеты отделения техникума – я собрал клятвы и поместил их на спаренных страницах ватмана.

Будущий козёл отпущения – Лаврентий Павлович Берия – провозглашал с мавзолея: «Кто не слеп, тот видит... Кто не глух, тот слышит...», но анекдоты уже пошли гулять по стране. Плюс разухабистые частушки типа «Лаврентий Палыч Берия не оправдал доверия...». Языки развязались. Студенты распевали: «Венецианский мавр Отелло, один домишко посещал...». Или «Офелия, Гамлетова девчонка, спятила, товарищи с ума. Всё потому, что Датская сторонка была народам подданным тюрьма». В одном коктейле сразу несколько ингредиентов. И краткое содержание творения Шекспира с выделением акцентов, необходимых на экзамене. Хотя бы о «тюрьме народов» – Датской стороне.

Студенческие песни со ссылкой на Вильяма Шекспира и юмор поэтов «Искры» – те же шпаргалки для экзамена. Пародии значительно короче оригиналов. Позволяли хоть как-то выплывать на экзамене по русской литературе. Нормальный советский школьник косо смотрел на многотомник Льва Николаевича Толстого «Война и мир», главным образом из-за мелкого текста с французского, занимавшего страницу за страницей. А у Минаева в пародии на мотив Лермонтовского «Бородино» всё коротко и ясно. Без эмоций Наташи Ростовской и терзаний Пьера Безухова.

Собственный опыт. На филологическом факультете Свердловского университета надо было сдавать кучу спецкурсов по творчеству великих писателей. Например, по Тургеневу. Не знаю, как бы я выплыл. Если бы память не подсказала строки из сатирической поэмы Д.Д. Минаева «Евгений Онегин нашего времени» – целиком посвящённой творчеству Тургенева. У меня с фамилиями героев повестей и романов напряжёнка. И если бы не первая строка минаевской пародии: «Мой дядя, как Кирсанов Павел...», если бы Онегин не был по Базарову скроен и т. д., я имел бы весьма бледный вид. А так пронесло.

НАСТАВНИКИ ПОНЕВОЛЕ

Абрам

Эпиграммы в стенгазете техникума подвигли меня на поиски единомышленников в литературных студиях. Самой крупной из них была студия при русскоязычном «Сталинском племени». Её вёл классик русской поэзии Николай Николаевич Ушаков. На литстудии познакомился с признанным эпиграммистом, постоянным автором журнала «Перець» Абрамом Костовецким. Тоже подолянин, жил наискосок от коммунального районного предприятия «Баня». Волей-неволей раз в неделю заходил к нему. Чаще заставал дома.

Поле деятельности Костовецкого была политическая сатира. Всё, как в «Покровских воротах», поставленных Михаилом Казаковым. Не знаю, внештатным или штатным сотрудником считался в «Перце» Костовецкий, но регулярный денежный ручеек тёк к нему оттуда – за эпиграммы на украинском языке, за темы рисунков и, особенно, обложек. В «Перце» ценили постоянного автора, в начале семидесятых выпустили книжку его эпиграмм, в толстом переплёте.

Порой киевский эпиграммист прорывался на всесоюзную арену. С продукцией, не уступавшей заправским москвичам: «Поймали за руку завмага, /Посажен жулик, наконец. /Жил припеваючи деляга, /Теперь он камерный певец». Но заказчики требовали политическую сатиру, отсюда и дружеское посвящение, которым Костовецкий гордился:

***Абрам, твои поднялись акции,
Но всё же мы сказать должны:
Ты больше досаждал редакции,
Чем поджигателям войны.***

Спрос на разоблачение происков американских империалистов постепенно падал. Перевести свой паровоз на другую колею автор не сумел. Спустя десятилетия, уже на севере, в районной газете, я вдруг получил бледную копию порции «бесстрашной сатиры». Удивил адрес. Не, Подол, а Левый берег, новый район Киева. В отпуске нанёс визит. Абрам не только поменял место жительства. Теперь хозяйничала в доме жена. Она вела строгий учёт его творчества, следила, куда отсылать тексты. И, самое главное, помнила строки Абрама наизусть, с готовностью подсказывала.

Генрих

Среди аборигенов литстудий выделялся Генрих Шахнович. Тоже постарше меня. На Генриха литстудийцы оборачивались чаще, чем на ведущего. Его короткие реплики били не в бровь, а в глаз. Генрих, чуть ли не единственный среди нашей, как теперь говорят, русскоязычной студии, издал книгу стихов. Вернее, басен. И не где-нибудь, а в издательстве «Молодь».

Память сохранила эпизод, случившейся у него в доме, в Бехтеревском переулке, что вёл на территорию, чудом сохранившегося, православного собора. Церковное здание в своё время не успели достроить. На каком-то мероприятии знакомые затащили меня в храм. Поразило, что стены окрашены известью. Ни икон, ни картин, ни иконостаса до потолка.

Генрих встретил в своём кабинете. На дворе морозец. Успел заснуть снова проснуться, а гость всё читал и читал. Мэтр сидел в кресле и помахивал авторучкой. Когда студиец положил на стол последнюю страничку, Генрих сгреб стопочку, положил перед собой и стал одну за другой перечёркивать страницы. На автора – ноль внимания. Перо правщика не коснулось строки в начале первой страницы и половины строки в конце. Мастер удовлетворённо хмыкнул:

– Ну вот, теперь рассказ приобрёл черты, рекомендованные классиком О’Генри для новелл. Смотри, как здорово звучит:

– Они любили друг друга, и дворники неодобрительно смотрели им вслед.

Действительно, коротко и ясно. Новелла готова для включения в полное собрание сочинений. Его осталось только написать.

С Генрихом мы пересекались всё реже и реже. Он манкировал литстудиями, да и у меня появились другие интересы. Как-то в отпуске, уже в середине восьмидесятых, знакомые сообщили, что Шахнович среди первых уехал на ПМЖ в Израиль. Поделится новостью с Сахаровым, они с Шахновичем встречались в литстудии в начале пятидесятых. Реакция Командора не заставила себя ждать:

– Идиот! Там же нужно вкалывать, он же без привычки.

Мирон

В литстудии познакомился с человеком, благословившем меня на газетное поприще. Он подбадривал и направлял меня на протяжении свыше шестидесяти лет. Говорю о Мироне Семёновиче Петровском. О его дружеском плече. Фактически о наставничестве. Несколько раз писал о нём, не буду повторяться. С первых дней знакомства на одной из литстудий (или это Леонид Темис – поэт Леонид Тёмин – представил меня?) Мирон окружил меня теплом и заботой. Подарил, в качестве образца для подражания бежевое, довоенное издание, «Библиотеки поэта» – сборник поэтов-сатириков девятнадцатого века – Курочкина, Минаева и других. Журнал их назывался «Искра», выходил он лет за сорок до своей знаменитой тётки. Журнал («иллюстрированная газета») целиком был посвящён литературной критике, пародиям, околотитурной злобе дня.

Мирон Семёнович находил для меня время, выслушивал, комментировал, советовался. Начиная с выбора профессии и до внимательного чтения текстов, мной подсунутых. Не представляю себе Мирона просто гуляющим. Десятилетиями человек жил на берегу Русановского залива, а так и не позволил себе на часок отвлечься и покататься на лодке. Другое дело, сопровождать сына Ваню, подрабатывавшего во

время институтских каникул на почте. В тот мой приезд с севера у подъездов домов, в которые забегал Ваня с толстой сумкой на ремне, и удалось пообщаться.

Это потом, когда ослабли запреты на его творчество, стали выходить книги, ему предложили постоянный заработок в альманахе «Егупец». Мирон смог позволить себе угощать гостей изысканными блюдами из манной каши да сырниками. Я-то помню его постоянным клиентом обжираловок, где продавались пирожки с ливером. Дешевейшее блюдо, 4 коп. за штуку. Без сомнения, здоровье Мирона подвело потому, что годами питался этими канцерогенными пирожками. Супруга, Светлана Васильевна, с утра до вечера вкалывала в школе, не имела возможности проконтролировать меню мужа. Семья годами жила на учительскую зарплату Светланы.

Каждый отпуск я старался подзарядиться от Мирона. Как-то похвастался, что получил третью премию «Крокодила» за эпиграммы. Практически, вторую, ибо первую редакция никому не присудила.

– И не могла – глянул на меня сквозь очки Мирон – премией за эпиграммы командуют более компетентные органы. Они запроторили Игоря Губермана на восемь лет в тюрьму.

Из Мурманской области, я отсылал знакомым посылки с вяленным окуном или палтусом. Мирон категорически отказался. Зато за две пачки книг, посвящённых творчеству Льва Квитко, благодарил. К печати сборник воспоминаний, вышедший в Москве, подготовил М.С. Петровский. В Киев книга не попала даже в лавку писателей на углу Красноармейской. Всё потому, что накануне сборник статей Мирона о детской литературе рассыпали. Мирона перестали печатать. Он мрачно шутил: «Если в Москве стригут ногти – в Киеве режут пальцы».

Почерк у Мирона разборчивый, но машинкой тоже пользовался. Трофейной «Олимпией-прогресс», что полагалась каждой немецкой роте для ведения документации. С перепаянным шрифтом и с пластмассовыми кружочками на клавишах, слепящими глаза.

В начале девяностых судьба свела меня с белым воротником республиканского Комбината печати, заработавшим благодаря ремонту пиш. машин себе на «Волгу» ещё в советские времена. Компьютеры с ксероксами вытеснили с рынка печатное устройство девятнадцатого века. Компактная машинка югославского производства «Унис» слесарю была ни к чему. Я отнёс её Мирону. И удобнее, и легче. Мирон искренне поблагодарил. Месяц спустя, гляжу – в углу стола всё та же «Олимпия».

– Понимаешь, – сказал, – я к старой привык. Зато в «Юдаике», где сейчас служу, открыли музей старой техники. Подумал, пусть лучше машинка украшает эти раритеты, а я как-нибудь, обойдусь.

РУКА ОБ РУКУ

В конце Перестройки, в канун Дня Победы, Витя Михайлов с женой приехал в Умбу. Мои сверстники считали этот праздник самым главным в году. Веяния перемен отменили трибуну, но шествие состоялось. Витя настоял, чтобы мы прошли вниз с горы, а сам то и дело хватался за сердце. Заведующая аптеки сказала, что такое

лекарство выдаёт по специальному рецепту. Но глянула на меня и углубилась в подсобку. От водителя Витиной машины потом узнал, что в командировки он без кулёка лекарств не выезжал. Это я к тому, что деньги руководителям предприятий в советские времена даром не платили.

На встречи с интересными и равнодушными людьми мне везло. Ну а что жизнь связала с иными из них морским узлом дружбы, так на то много причин и житейских обстоятельств. Мысленно перелистывая возникшую симпатию да интерес, волей-неволей связываю их с совпадением увлечений. Стыдно признаться, но никак не вытекающих из профессии электромеханика, которой овладел в техникуме. Или профессии электрика, что кормила меня в проектно-институте.

Другое дело увлечение сочинительством и литстудия горного техникума, коей руководил выпускник филологического отделения Киевского университета имени св. Владимира Леонид Александрович Масленков.

Техникум же подружил меня с Владимиром Ряряевым, он младше был на курс. Учился на шахтостроителя. Неплохо рисовал. С его первого курса по мой выпускной он иллюстрировал стенгазету «Оса». Тоже киевлянин, мало того, жил на Подоле, в двух шагах от меня. Наши родители знакомы с до войны, его отец тоже служил в Днепровской (Пинской) военной флотилии. Многие годы свободные часы проводили вместе. Под возгласы его мамы, Александры Ивановны: «Старые собаки, когда вы женитесь?!». Я старался не отвлекаться на личную жизнь ради газеты. А Володя карикатуры забросил, продолжал учёбу по технической части, в одном из академических институтов нашёл себе жену.

Вернее, она его себе нашла и вычислила. Вовкина женитьба обрезала мои взгляды на претенденток, уже побывавших замужем. Урок им пошёл впрок. Прочие связи, кроме новосозданной семьи, считаются порочными, со всеми выводами. Так что, можно считать, Вовка своей женитьбой спас меня от возможных неприятностей.

Каждое поколение рождает свою формулу счастья. В семидесятых годах грело душу желание утром идти на работу, вечером – домой, к семье. По мне, так околоторческие профессии объединяют оба эти условия. В том смысле, что мысли о деле, которому служишь, не покидают тебя в часы отдыха. Даже в начале сентября в северном лесу на сборе брусники. Красные грозди не отвлекают от крутящейся в голове статьи или стихотворного фельетона. Мне действительно было хорошо, а жене и сыну не хватало общения в субботу и в воскресенье.

Люди с кем сходилась, нацелившись на газетную стезю, уважали моё увлечение. Говорю о представителях мужского племени. Женщины, у которых в подкорке заложена забота о семье и потомстве, не особо верили в моё будущее. Долго жалел о разрыве с умной и красивой девушкой. Но её слова, о том, что мужчина должен в первую голову получить надёжную профессию, а стихами можно заниматься на досуге – удар под дых. Посчитал его чуть ли не оскорблением и поруганием мечты. Хотя понимал, что в поэзии занимаюсь задворками – эпиграммами да стихотворными фельетонами, посчитал слова девушки святотатством.

ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ

В двадцать и в двадцать пять мы обращались к друг другу исключительно по именам, как и предписывал комсомольский, то бишь молодёжный, пиетет. За тридцать, когда стал литсотрудником республиканского русскоязычного «Комсомольского знамени», вообще удивился: все друг другу тыкают, включая ветеранов корректорской, машбюро и группу выпускающих.

Тем удивительнее, что сблизился с человеком, к которому иначе, как по имени-отчеству, не обращались – с Игорем Дмитриевичем Безгиным. Ему, первому секретарю Печерского райкома комсомола, по должности положено.

С избранием Игоря Дмитриевича жизнь в райкоме резко изменилась, обрела, если хотите, театральные формы. Начиная с конференций, куда обычно манил разве «шестой вопрос» – событие в узком кругу вновь избранных. А тут речь первого, выступления делегатов прерывались кадрами из кинохроники. Не только документальными, театрализованными сценками из жизни активистов предшествующих поколений. В довершение – премьера гимна «Комсомольская юность Печерска». Автор музыки, известный на Украине композитор Данкевич лично дирижировал оркестром. Зал, по знаку Игоря Дмитриевича, несколько минут вызывал автора слов. Я так и не решился покинуть закуток на галёрке, где занимался своим привычным делом – писал эпиграммы к «Голосу делегата».

Меня назначили ответственным за написание гимна. Взял под козырёк, собрал поэтическую бригаду «Арсенальца». За субботу набросали несколько вариантов – лирический, душевный, шуточный и т. д. По дороге домой подумал: надо бы и обычный, то есть железобетонный текст, представить, с клятвенным припевом:

***Учиться, работать и строить!
Стремиться вперёд и ввысь!
В наших делах, герои,
Ваша продлится жизнь!***

Заказчиков и композитора удовлетворил железобетон. Игоря Дмитриевича вскоре от нас забрали, назначили директором сразу трёх коллективов – Театра юного зрителя, Кукольного и Академического им. Ивана Франко. Благо все три находились на территории района. Наш генсек показал себя! Задрипанный ТЮЗ, вечно полупустой, что-то такое актуальное поставил и прославился на всю страну – стал лауреатом Премии Ленинского комсомола. В Академический театр украинской драмы, дорога к которому давно заросла травой забвения, новый директор проторил дорогу – благодаря гастролям известных московских актёров. Или вставлял в давно заезженные спектакли знаменитых гастролёров.

Зрители довольны. А труппа? Жалобы и доносы на самый верх, в ЦК (а это, если в метрах – не более ста), сделали своё дело. Игорь Дмитриевич слетел со всех трёх тронов. Нашёл тихую гавань в театральной аспирантуре. Для выпускника строительного института несколько необычное пристанище, но Безгин и тут справился.

Организовал и возглавил кафедру экономики в театральном институте им. Карпенко-Карого, стал вице-президентом Академии искусств в Независимой Украине.

Но я забежал в XXI век. В середине семидесятых аспирант И.Д. Безгин приехал по приглашению Всесоюзной ударной стройки в Ковдор, привёз с собой несколько бобин с кинофильмами, в которых попутно снялся. Поразил местных любителей минералогии тонким знанием камней. Публика приняла его, как своего. При прощании пришлось обвязывать верёвкой ручку чемодана. Безгин здорово разбирался и в истории орденов. По-разному пишут о закате империй. Меня убедили орденские знаки Австрийской монархии перед распадом. Они в деталях повторяли наградные броши, которыми императоры награждали своих подданных, но были изготовлены не из золота-серебра, а из - чугуна.

Мы с Игорем одного года. Он приехал в Ковдор отцом сына – старшего школьника, а я всё ещё присматривался. Возможно долго бы ещё не решался. Да Игорь увидел Таню и сказал фразу, впоследствии повторённую известным на всю страну актёром:

– Надо брать!

ЛЮБОВЬ НАША – ГАЗЕТА

В Мурманской области чаще всего контактил с коллегами по профессии. С ними и установились, если не дружеские, то тёплые человеческие отношения. Хотя разница в статусе, так или иначе, сказывалась. Я редактировал самое низовое звено – многотиражку. Один из коллег многие годы возглавлял районную газету «Кандалакшский коммунист». Второй – бери выше, стал редактором «Комсомольца Заполярья», ведомственного «Рыбного Мурмана» и ответственным секретарём самой «Полярной правды». В силу этого обстоятельства говорить о совпадении взглядов проблематично, но чисто профессиональное уважение друг к другу сквозило.

С редактором из Кандалакши Ефимом Федотовичем Разиным мы постоянно встречались около десяти лет кряду в типографии его газеты. Впоследствии, когда возглавил газету на Терском берегу, опять встречались в Кандалакше. Ближе типографии, где нарезали клише, не было.

С Колей Бакшевниковым познакомился на семь лет раньше, когда придумал себе преддипломную практику в «Полярной правде». Мы с ним жили в одном общежитии, кажется, даже в одной комнате. Но у меня за плечами почти десятилетний стаж сотрудничества и работы в многотиражной газете киевского завода «Арсенал», а Колю, только-только перевели в «КоЗе» из собкоров по Мончегорску в младшие сотрудники аппарата. Разин был старше меня на восемь лет, Коля на столько же младше. Разница в возрасте, особенно, если оглянуться на бурный рост Бакшевникова по служебной лестнице, волей-неволей прочерчивает некоторую виртуальную границу в личных отношениях. Тем не менее, это не мешало обращаться к нему с просьбами, а Коле реагировать на них всеми доступными для него средствами.

Повспоминал приятелей, близких мне по духу, и сам удивился общей увлечённостью газетой. В многотиражке завода «Арсенал» сошёлся с инженером Леонидом Рыбакиным. Карикатуры его не просто иллюстрировали текст, дополняли. Наверное, много чего хорошего у Лёни перенял. Он был интеллигентом во втором поколении. Запомнилась книга из библиотеки Лёниного отца, до революции он изучал Москву по путеводителю и фиксировал свои наблюдения на полях.

С выпускником русского отделения филологического факультета Киевского университета Анатолием Азаренко мы пересеклись в двух с лишним сотнях километров выше по меридиану, в Ковдоре. Он окончил горный техникум в родном Кривом Роге. Сделал карьеру на местном ГОКе, стал машинистом экскаватора. В этой ипостаси поначалу работал и на севере. Но к газете тянуло. Одно время был литсотрудником в районке Североморска. Опять пересел на экскаватор. К моему счастью, Витя Эйдельман, начальник рудника «Железный», взял на себя «висячую должность» и два или три года Толя был прикомандирован к многотиражке. Благодаря ему получалось съездить в отпуск. Да и в Кандалакше, в типографии, можно было показываться хотя бы через раз. Под конец восьмидесятых я публиковал очерки Анатолия в «Полярной правде» – о взрывоопасных событиях в Душанбе.

Благодаря Николаю Голикову из Белоруссии мою многотиражку в Ковдоре иногда называли двухпартийной. Прозвище не из разряда смешных. Голиков – неосвобождённый секретарь партийной организации Ковдорской геолого-разведочной партии. Николай знал наизусть песни Михаила Светлова, цитировал монологи героев Налево и Направо из пьесы автора «Каховки» да «Итальянца».

Заглянул в «Энциклопедический словарь», чего-то засомневался, правильно ли вспомнил название пьесы М.А. Светлова «Двадцать лет спустя»? Оказывается, в начале шестидесятых поэт был награждён Ленинской премией. Посмертно. Запоздалое признание вряд ли опровергнет шутку Михаила Аркадьевича: «Оборотная сторона медали – не дали!».

НЕ ГАЗЕТОЙ ЕДИНОЙ

Когда переваливает за пятьдесят, новыми друзьями редко обростаешь. Годы окружают тебя частоколом, не пробиться. Исключения подтверждают правило.

У исключения есть фамилия, имя и отчество: Биттенбиндер Рудольф Александрович. Благодаря ему и его супруге, Кларе Ивановне, я быстрее вник в тонкости южного берега Кольского полуострова, проникся интересами поморов, заселивших эти места во времена Александра Невского. Рудольф Александрович – немец по отцу и русский по матери, Клара Ивановна с обеих сторон эстонка. Для него и для неё, для их дочерей, главным праздником в году стал отчётный концерт в зале районного ДК коллективов художественной самодеятельности – хоров из дальних сёл.

Оба приехали работать в посёлок, в райцентр (до которого можно было добраться разве в навигацию) сразу после окончания техникума лесной промышленности. Клара Ивановна всю жизнь занималась электричеством в

леспромхозе, а Рудольф Александрович окончил заочно институт и четверть века попеременно занимал должности – начальника производственного отдела леспромхоза, главного энергетика, главного инженера, директора. Перемещали его не потому, что не справлялся. У единственного промышленного предприятия района накопилось столько проблем и нерешённых вопросов, что руководителям района в лице райкома и райисполкома, ничего не оставалось, как продемонстрировать видимость дела и тасовать итээрговскую колоду.

На первых моих месяцах в районной газете Биттенбиндер исполнял обязанности директора. Разговор плавно переходил на обстановку в стране, на книги, которые читаем и которые нужно прочесть. С подобным книгоцеем редко когда везло встретиться в Киеве или Свердловске. Сын попал в автоаварию, мы с женой ощутили, как далеко оторваны от цивилизации. Благодаря Рудольфу Александровичу добыли путёвку в детский санаторий «Кивач» под Петрозаводском, потом в специализированный санаторий в Ессентуках.

Начальство района снова и снова умоляло областной главк прислать очередного козырного управленца. Наверное, и точно такого умельца можно было бы вырастить на месте. Да, повторюсь, леспромхоз – единственное промышленное предприятие на весь район. Другого инкубатора для выращивания кадров в райкоме, райисполкоме и прочих органах не было.

ПОЭТ ВЗРЫВНОГО ДЕЛА

В Ковдоре три основных праздника, один из них – День шахтёра. Поразил и заразил меня горным делом Витя Эйдельман, начальник рудника «Железный». Что-то в Вите такое было, он привлекал людей. Инженер во втором поколении. Его отец, полковник железнодорожных войск, всю войну и после возводил мосты.

Витя – ленинградец, свой родной Ленинград, иначе, как Питер, не называл. Так получилось, два раза почти по месяцу я провёл в его городе. Запомнились промозглость и сырость. А жил там в начале весны и в разгар бабьего лета. Витя при упоминания Васильевского острова или Литейного весь начинал светиться.

В Ковдор Витю пригласили из Оленегорска. «Старший брат» поделился опытным кадром. Железо лучшего качества получалось в Череповце из смеси двух концентратов – оленегорского и ковдорского. Оленегорский ГОК заложили сначала, благодаря близости к железной дороге.

Самое узкое место на ГОКе – вывозка горной массы. Не хватало БелАЗов, ещё слабощных, объёмом кузова в 27 и 40 кубометров. Витя нашёл выход, он свёл взрывную смену, призванную рыхлить горную массу, до одной в месяц. Прежде на руднике гремело и ухало по субботам – замирала вывозка вскрыши и руды. Витя сэкономил для работы трое суток в месяц, взрывал за одну смену до тысячи тонн тротила – одну двадцатую, если по мощности, атомной бомбы, сброшенной американцами на Хиросиму.

На подготовительных работах приходилось задействовать даже сотрудников управления комбината. Непосредственным подчинённым начальника рудника такая нервотрепка тоже не улыбалась. В конце концов, ропот перешёл в конфликты. Витя нажил себе врага и в лице директора ГОКа. На планёрках, на оперативках он доказывал реальную возможность резкого увеличения выхода процентного содержания железа в концентрате. Не на одну десятую, как привыкли (и тем гарантировали итээровцам прогрессивку), а сразу на несколько десятых. А потом что? Витя за словом в карман не лез, ссылаясь на прогнозы геологов об увеличении с глубиной количества богатой руды. Но директор ГОКа, ответственный за всё и за всех, начал опасаться, как бы революционное предложение Эйдельмана не вдохновило министерство (При плановых порядках каждое ведомство тянуло расходы бюджета в свой огород). Выводы последовали. Не сразу, но довольно скоро.

Многотиражка поддерживала начальника рудника. Лозунг: «Раньше думай о родине, а потом о себе» вошёл в плоть и кровь моего поколения. Ставила газета и вопросы о взаимоотношениях между смежниками – горняками и цехом технологического транспорта. Начальники там часто менялись, пока пост не занял экс. директор Ковдорского леспромхоза Румаков. Администрация ГОКа очень надеялась на его навыки в управлении подчинёнными.

Надежды на лесозаготовителя оказались преувеличенными. Он и не пытался апеллировать цифрами и фактами. При первой возможности брал быка за рога. Пожаловался в Кировский горком: два еврея – редактор многотиражки и начальник рудника – сживают его, представителя коренной национальности, со свету. Секретарь горкома по идеологии отреагировал, долго указывал секретарю парткома Никитину. Нашёл кому открывать глаза. Уж кто-кто, а Никитин, прошедший на руднике путь от рядового инженера до начальника, хорошо понимал, кто в споре прав, а кто виноват. Поговорил он в парткоме с Румаковым на чистом горняцком языке. Месяц или два Румаков на оперативках да планёрках не высовывался.

После «Железного» Витю пригласили на должность главного инженера рудника в «Ковдорслюду», добывать вермикулит – гидратированную слюду, сырьё для теплоизоляции. Зарплата почти та же и каждый вечер дома. «Горящий» план гасили привычным способом – управленцы дружно отправлялись в шахту щипать слюду-флогопит, основную продукцию комбината. Квартальный план мигом закрывали и опять тишина.

Витя не выдержал и уехал в Ленинград, его давно звали в «Гипроруду». Долго не усидел, воспользовался первой же возможностью, отправился добывать никель в Заполярный. При случае, навестил его на новом месте. Скучал человек – не те объёмы и масштабы. Неторопливое течение времени разгоняли разные происшествия. У Галины, супруги, дошли руки до наведения порядка в ванной. Обнаружила, что пол устлан кусками хозяйственного мыла. Но оно не мылилось. Витя успокоил: это не мыло – тротил. Прежде квартиру занимал взрывник, увлекавшийся рыбной ловлей. Северная рыба очень даже клюёт на тротил.

В альма-матер, в Оленегорске, Витя проработал до пенсии. И там свёл взрывную смену к одной в месяц. Случилось заехать к нему в гости. Попал к самому

празднику – к массовому рыхлению руды и породы при помощи взрыва. Витя угостил моих спутников незабываемым зрелищем.

Яма в Оленегорске больше и глубже, чем в Ковдоре. По дну карьера, где сумерки гуще, сначала пробегают весёлые искры, их поглощает сероватый дым. Лишь потом земля под ногами начинает двигаться. Наконец, до ушей доносится звук взрыва. И недовольный возглас Вити:

– Да подымите головы, не смотрите вниз, как бы один из чемоданов не завернул в нашу сторону...

В мою первую зиму в Ковдоре перед участниками всесоюзной комсомольской стройки выступил поэт Владимир Орлов. Угостил его массовым взрывом. Автор знаменитых детских стихов и сатирической 16 стр. «Литературки», сказал мне:

– А знаешь, твой Витя – истинный поэт своего дела.

Старшему сыну Алику пришла пора поступать в институт. Фамилия отца – Эйдельман, в паспорте национальность мамы – русский. Сочетание явно не по зубам приёмной комиссии, пусть даже интернационального горного института. Витя решился, ради сына взял себе фамилию жены, стал Смирновым. Попал в присказку до конца жизни: «А это – Смирнов, который Эйдельман».

Алик с первого раза поступил в горный институт. В спорте пошёл по стопам отца – мастера спорта по гимнастике. Даже дальше, записался то ли в секцию самбо, то ли единоборств. На подготовку к экзаменам не осталось времени. После первой же сессии его отчислили из института, как неуспевающего. Год потерял, но приобрёл опыт горнорабочего на руднике отца, в городе, где родился. Успешно окончил институт, прошёл в Оленегорске все ступени от горного мастера до начальника участка и выше. Спустя годы Алик оказался в Калининградской области, возглавил там ГОК по добыче янтаря.

ОХ, УЖ ЭТИ АВТОМОБИЛИСТЫ

Относительно зажиточные семидесятые. Завод в Тольятти наводнил дороги «Жигулями». Первая в ряду – «копейка» – могла поспорить по комфортабельности даже с 21-й «Волгой». Не для всех. Мой начальник по газете Киевского военного округа полковник Шалацкий сменил «Волгу» на изобретённую в Италии машину и ругался нехорошими словами. Фуражка тёрлась о потолок и мешала вести машину, а полковнику, как помаете, сидеть одетым не по форме никак нельзя.

Почему-то припомнилась экскурсия в пятидесятых, в только что открытый киевский магазин по продаже автомобилей в частные руки. «Победа», та самая, стоила 14 тысяч рублей. Ещё тех, до хрущёвской реформы. «Опель-кадет», сменивший фамилию на «Москвич», можно было купить за 9 тысяч, с откидным верхом – почти на тысячу дешевле. Но таких денег у потенциальных покупателей не имелось. Другой разговор – зайти, пощупать шины, поцокать языком. Народ в магазине толкался с утра до вечера. Как же, не трофей, не американский джип. Отечественное авто! Пока

пионерский отряд шагал с Подола на Крещатик, самые глазастые насчитывали в пути пять, ну шесть «Побед». Капля в море трофейных.

Среди первых покупателей «Жигулей» ковдорчане выделялись. Северные надбавки позволяли. ГОК, снабжавший автостроителей металлом, имел привилегии при выделении лимитов. Всё бы прекрасно, да город отрезан от страны отсутствием дорог. Разве зимой, когда установится погода, пробивали зимник. Гостя из Симферополя, поэта Орлова, снежный наст очень даже умилял. Он был уверен, что по снегу, как и по льду, не особо разъездишься. Не верил, что других дорог просто нет.

Автолюбители до трассы, до Кандалакши или Пинозера, добирались на ж/д платформе. И обратно. Чтобы персональные кони не застаивались, ковдорчане выводили их на прогулку по железобетонным трассам улиц. К радости единственного автоинспектора сержанта Петрука. Он завёл привычку прогуливаться у главной площади и привлекать к ответственности нарушителей правил движения.

На работе Витя Эйдельман пересаживался на служебного «козла» – на карьерных дорогах «Жигулям» не климат. На своей «Копейке» лихо тормозил передними колёсами у здания управления комбината. Задняя, ведущая ось, не выдержала и лопнула. Уже вторая, капитально отремонтированная. Первая не перенесла ухабов на пограничной дороге, по которой Витя добирался из отпуска, плюнув на очередь желающих попасть на платформу.

В гости в Умбу из Заполярного Витя приехал на новой, кажется-таки вишнёвой, девятке с передним приводом. Опытного горного инженера обхаживал второй секретарь райкома партии, ответственный за промышленность. Свозил посмотреть будущий карьер по добыче камня – перспективное для дотационного района предприятие. Пока что площадь карьера не превышала кузов сорокатонного БелАЗа. Секретарь райкома никак не мог понять, почему это глаза у Вити не загораются от столь замечательных перспектив.

ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

Моих сверстников окружали и наставляли на путь истинный коллеги постарше, демобилизованные, оттрубившие по два срока службы. Офицеры донашивали латанную-перелатанную и стиранную-перестиранную военную форму. С одеждой и пять лет спустя и десять было туго. В войну имелась возможность по карточкам отовариться, после войны – только за деньги. Одежды с обувью на прилавках днём с огнём не сыщешь. Выручал базар-толкучка. Помнится, зашёл к однокласснику, круглому отличнику Боре Векслеру. Его мама на чём свет ругала старшего сына. Тот купил на барахолке брюки, а они на свету – как решето, материя истёрлась. Умелец их постирал, аккуратно прогладил и втюрил неопытному покупателю.

Фронтвиков, как бы припечатала смертельная опасность. Уж простите за сравнение, где-то читал, что девушки, познавшие любовь, отличаются поведением и даже характером от не познавших. Какая-то причастность к таинству витала над половиной нашей техникумовской группы, в основном призыва 1943 года. В группе я

был самым младшим по возрасту и когда на преддипломной практике в Краснодаре (том самом!) праздновали моё восемнадцатилетие, Пётр Тополь, некоронованный лидер группы, торжественно принял меня в Союз старых холостяков, припомнил своё восемнадцатилетие, голодное и холодное. Солдаты мечтали поскорее попасть на передовую – поестъ досыта...

Иными воспоминаниями делилась руководитель группы электриков в проектном институте Валерия Дмитриевна Баженова. С первого или второго курса она ушла на войну. Определили в группу диверсантов. Личным оружием – миниатюрным «Вальтером» – воспользовалась только раз. В тылу. Шарахнула по двери, в которую ломился ухажёр. Радистка знала, что доску пуля пистолетика не пробьёт, а поклонник был не в курсе. Диверсантки ещё на парашютах съедали неприкосновенный запас шоколада. На фабрике плитки в лощёную бумагу не обёртывали, но стояло клеймо тылового города. Явная улика при первом же досмотре...

При Хрущёве пенсия достигла размеров, позволявшим не думать о дополнительном заработке. Льгота предназначалась в первую очередь фронтовикам. Но не все смогли ею воспользоваться. Появились и другие льготы. Моему отцу, участнику обороны Киева и Сталинграда, первому в нашем дворе установили дома телефон. Все остальные удобства, начиная с колонки для воды и туалета, находились во дворе. В новом доме отцу сразу поставили телефон. К удивлению, и почтению соседей по кирпичной девятиэтажке. Дом предназначался для сотрудников Комитета государственной безопасности. Им по должности положено. А отцу? Соседи удивлялись, но справки наводили.

Война никого не щадила. В третьем классе рядом со мной учился парнишка, целиком, если не считать висков, поседевший. Со мной сидела девочка с посеченным осколками лицом. Раны врачи заштопали, изъяли лоскутки кожи из попы.

Вечерами мы собирались у чёрной тарелки репродуктора. Примерно с середины войны он перестал хрипеть и заикаться, стал говорить внятно и чётко, радуя названиями освобождённых городов. Фамилии генералов, командовавших фронтами, мы узнавали с первых букв. Не знаю почему, возможно потому, что заикался и спотыкался на букве «Р», болел за войска Рокоссовского.

Когда радио перечисляло фамилии, географические названия и прочие данные военных сводок, транслировало победные салюты, двор инстинктивно подтягивался и становился по стойке «смирно». Особенно – пацаны. Но и постарше, вплоть до седьмого-восьмого класса. Девятые и десятые классы в мужских школах почти пустовали. Старшие ученики сплошь на костылях, без ног или рук.

ОСОБАЯ ПРОСЛОЙКА

Николаич

Коллеги чуток постарше, в силу возраста нас за равных не считали. Столкнулись уже во взрослой жизни, и эти встречи для меня оказались счастливыми. Со всех сторон поучительными.

Сижу за машинкой, припоминаю, сопоставляю. Убеждён, на этих ребят обратили внимание фронтовики. Желание поскорее вырасти и на равных встать в строй не могло не броситься в глаза.

День Победы я встретил выпускником второго класса в городе Павловске Воронежской области. Там дислоцировалась небольшая эпроновская часть, занимавшаяся расчисткой русла Дона. По осени и по весне за городом постоянно гремело и ухало. Неподалёку меловые горы. В чём-в чём, а в приспособлении для нанесения текстов на классную доску наша мужская школа не нуждалась. И женская – тоже. До войны в Павловске было две школы, в середине сорок четвёртого их преобразовали в женскую и мужскую.

С утра 9 мая на площади рядом с базаром плотники сооружали трибуну. Город больше года был прифронтовым, могилы на кладбищах у околиц сплошь перепаханы снарядами. Отец принёс новость: салюта из ракетниц не будет. Глава горисполкома, инвалид с заткнутым за пояс рукавом пиджака, попросил военных не хулиганить. Крыши наполовину соломенные, как бы чего не случилось. И вот мы, обе школы, стоим, утопая по щиколотку, то ли в песке, то ли в пыли. Глава города произносит речь. По взмаху руки школы продефилировали около трибуны. Наверно, мальчикам шаг удался, по распоряжению предгорисполкома нас задержали и предложили вновь прочеканить шаг.

Не знаю, кем стали мои бывшие соученики по павловской школе. Больше судьба в тот городок не забрасывала. Сосредоточенные лица старшеклассников, их твёрдый шаг – до сих пор перед глазами. Себе и окружающим они старались доказать, что готовы заменить на фронте старших братьев. Да военкоматы их не замечают. Не могу утверждать – моя гипотеза или, если хотите, догадка. Невыполненный долг довлел над ними до конца жизни. И как бы предохранял от поступков, которые людей не красят.

Сужу не абстрактно, перед глазами самые что ни на есть конкретные примеры. Моих, как считаю, учителей. Они не занимались педагогикой, не потчевали мудрыми наставлениями. В коллективе и наедине с собой, в большом и малом поступали сообразно высоким нравственным критериям. Заставляя подтягиваться, прикладывая свои поступки к их поведению.

Жизнь – не асфальтовое шоссе, разное случается. Саднит и кровотоцит, что далеко не всякий поступок можно выправить, а фразу затолкать обратно. В случаях, когда не дотянул до планки, нормальной для моих наставников. Они не пеняли. Это я сегодня так думаю.

А что все старшие мои товарищи в том или ином смысле работали со словом, то и этот факт в некотором роде судьба, следствие избранной профессии. Не попавшие на войну не позволяли себе кривить душой. В любой среде – инженеров, полеводов или врачей. Гуманитарные пристрастия им тоже не чужды. Раскрыл Энциклопедический словарь: властители дум нескольких поколений кучно родились в конце двадцатых годов, с 1927 по 1930. Среди них писатель Виктор Конецкий, актёр, режиссёр и писатель Василий Шукшин, актёр и режиссёр Леонид Быков, писатель Феликс Кривин... Продолжать?

С Валентином Николаевичем Сахаровым я познакомился в декабре 1956 года. Заочно. Саша Кислов, ответственный секретарь многотиражной газеты завода «Арсенал», побуждая меня к сотрудничеству, дал номер своей газеты, где несколькими месяцами ранее была опубликована поэма В. Телегина «Телега». Саша рассказал, что автор скрылся за псевдонимом, что настоящая его фамилия Сахаров и что он работает технологом цеха. Человек завален делами, а газете порой крайне необходимы четыре злые строки. Отрывать ради них перегруженного технолога неловко. Сашу можно понять, в газете он недавно, его перебросили на отстающий участок с поста секретаря комсомольской организации завода.

Вскоре Кислов подался в юристы. Доходили слухи, что на сём поприще стал знаменитым. Я запомнил его в гимнастёрке. Вдобавок к ранам и шрамам на теле, ветеран носил в душе психологическую травму. Она мешала ему обзавестись грамотными сотрудниками. Саша заканчивал службу старшиной женского взвода. Спустя годы номенклатура одежды и белья подчинённых выводила его из равновесия. Поэтому наличие женского пола в редакции, даже в должности машинистки или корректора, вызывало у него состояние близкое к помешательству. Студентке факультета журналистики университета он отказал в приёме, не глядя. Сужу по подборке стихотворений уроженки Белой Церкви Нади Никольниковой, она их писала на русском и дала Саше тетрадь в качестве иллюстрации своих возможностей. Саша стихи не раскрывал. Попросил меня отнести тетрадь поэтессе на ул. Резницкую, где студентка факультета журналистики снимала угол.

«Телега», впоследствии именуемая первой частью поэмы, мне не понравилась. Из-за четырёх-трёхтактного хоря, напрочь слившегося с Василием Тёркиным Твардовского. Мне едва стукнуло двадцать, о производстве имел скорее теоретическое представление. Автор подбирался к тридцати, протрубил после института несколько лет на заводе, а до Киева прошёл огонь, воду и медные трубы. Текст, казался, мягко говоря, жидковатым, засорённым лишними словами.

Годы спустя, когда окунулся, говоря строками из поэмы Сахарова, в «стадию производства», до меня дошло, насколько поэма густо замешана. Не то, что слова, запятую не убрать без потери смысла. Недаром строки из Сахаровской «Телеги» разлетелись по стране и стали поговорками, по-научному – фольклором. Та же участь у второй части поэмы – «Серия», хотя она даже на страницы многотиражки не попала. Арсенальцы привозили с собой поэму вместе с чертежами да инструкциями. Может быть, строки эти оказывались даже нужнее.

«Телегу» хочется цитировать и перекачивать на языке. Не буду повторяться, попытаюсь выловить самое-самое. На совещании, посвящённом освоению образца изделия, выступил конструктор: «Не сказал ни мэ, ни бэ – обещал подумать». У технолога – своя точка зрения, он подчеркнул: «Производство – вот беда, не потянет снова». Но «ме» сказал, и «бе» сказал – «выступил толково». У снабженцев – свои заморочки, они сомневаются: «Будут ли, кобылы?». Поскольку «За полгода заявить фонды надо было...».

Смежники, собраты по военно-промышленному комплексу, считали поэму своей, хотя она пронизана историей киевского завода «Арсенал». Перед страшной войной в номенклатуре «Арсенала» действительно значилась телега и называлась она

«Боевой тачанкой». Принимали изделие представители заказчика – военпреды. Они дефилировали вдоль свежескрашенных тачанок и, наконец, тыкали пальцем. Отобранный экземпляр предстояло затащить на четвёртый этаж дореволюционного здания (в пересчёте на послевоенные метры, примерно, шестой-седьмой этаж) и сбрасывали тачанку вниз. Военпред бдительным оком ощупывал телегу и, если рессоры с колёсами да днище с полочкой для пулемёта оставались неповреждёнными, принимал всю партию. Ставил пломбы.

В обеих частях поэмы представлены совещания. Без них никак. Директор «Как орёл из облаков выступает мрачно». «Важно на кого спихнуть, и кто капнет первым...». «Если же по каплям тем сам составит мнение.... Ох, уж эти ОТМ – чистое мученье». В финале... «Поругались, кто с кем мог и опять все братья. Прелесть эта штука Орг. тех. мероприятия». У рабочих будней – свой апофеоз: «Но успех может только сниться, если не поднимешь всех опытом делиться». Ну а что «Опыт повезли такой, что едва держались. Говорят, и техникой интересовались...» – это уже текущие (вытекающие) мелочи.

До второй части поэмы руки автора дошли спустя десять лет после первой. Выпускник киевского киноинститута (слаботочник – по диплому) быстро рос. Возглавил новый цех, потом второй, стал начальником Центрального конструкторского бюро. Под его руководством – сотни докторов и кандидатов наук, тысячи физиков на инженерных должностях.

За стенами завода сошла на нет хрущёвская либерализация, а там и сам Никита Сергеевич лишился постов и жил на пенсию генерал-лейтенанта, каковое звание ему было присвоено в 1943-м, как члену Военного Совета фронта. Сатира, расцветшая на страницах многотиражки стараниями опытного газетчика, ответсека Михаила Павловича Семёнова, всё чаще вызывала неудовольствие парткома.

Обычно над стихотворными обзорами (на русском языке) мы работали втроём: Валентин Николаевич Сахаров, профорг оптического цеха Анатолий Карплюк (позабыл отчество, да тогда им не пользовался) и я. Михаил Павлович нам поставлял факты, а мы по воскресеньям, потом и по субботам, договаривались о стихотворном размере, делили между собой темы и веселились. Каждый раз над новым псевдонимом.

Троица распалась с появлением заводского КВН, тут уже каждый работал, так сказать, на себя, на свой коллектив, Сахаров на ЦКБ, Карплюк на цех № 5, а меня охмурила женская команда ЦЗЛ. Но по-прежнему посылали тексты на правку друг другу. О чём, к счастью, команды не догадывались. Не могли такому святотатству поверить.

Как гром среди ясного неба: секретарь парткома по идеологии запретил публиковать вторую часть «Телеги». Дескать, страна нуждается в продукции завода, обойдёмся без хихонек да хахонек. Годы опосля до меня дошло, что свою роль сыграло пренебрежительное отношение автора «Телеги» к футболу вообще и к Киевскому «Динамо» с его корифеями, в частности. Автор позволил себе намёк: «Но поскольку ждал футбол – прекратили прения». И далее: «Кто в цеха, кто на футбол – люди расходились». Поэт не разделял восторга по поводу того, что «Рыжий штуку сделал!».

Мало того, в главе о футболе сквозило, что болельщики, отрывая себя от производства, тратят время и силы впустую.

Возможно, зам. секретаря парткома, державший нос по ветру, учёл и этот нюанс. Заглавным болельщиком киевского «Динамо» считалось первое лицо в ЦК КПУ. Кабинеты бывшего пятиэтажного дворца Киевского военного округа, перепрофилированного в здание КЦ (Киевского ЦК) неизменно украшала таблица футбольного первенства страны. Вдруг до инструктора или зав. отдела, курирующего «Арсенал», дойдёт сатира на футбольных фанатов? Страшно подумать, как ониотреагируют? Не уверен, что идеолог парткома руководствовался этим аргументом. Но что взял и его в расчёт – сто процентов.

В коллективном сборнике арсенальских авторов первая часть «Телеги» – «Образец» (под псевдонимом В. Телегин, но с фотографией В.Н. Сахарова) была опубликована в 1960 году... Десять или пятнадцать книг в голубоватой обложке тогда же были переданы в библиотеку ДК завода. Вскоре кому-то из заводчан захотелось просветить командированного. Зашёл в библиотеку, взял один том, третий, пятый – везде страницы с «Телегой» аккуратно вырезаны. Стоит ли удивляться, почему в удалённых на тысячи километров от Киева точках, хотя бы на Байконуре (пункт приезда – станция Тюра-Там) знают наизусть «Телегу».

Цитируют и вторую часть – «Серию». За десятилетия до того, как поэма на излёте горбачёвской перестройки появилась в арсенальской многотиражке. Знаком с сотнями членов Союза писателей, считающих себя поэтами, с авторами десятка и более книг. Они исходят от счастья слюной, когда где-то как-то услышат (или им покажется) свою строку. А здесь не отдельные строки, наизусть знают поэмы, мимо которых печатный станок пренебрежительно прошёл мимо.

Аналогичная судьба суждена большинству стихотворений и поэм В.Н. Сахарова. Лично убедился. Мне слегка за двадцать. Раздумываю, куда податься – в Свердловский университет (один из четырёх вузов страны, имевший факультет журналистики) или Московский Литинститут? Набрался хамства и, колеся по Москве между поездами, побывал во дворе Царскосельского лицея советских времён, напросился в гости к самому М. А. Светлову.

Впечатлений в тот июньский день выше головы. Что не помешало вечером, в купе поезда, обратить внимание на симпатичную попутчицу. По остальным пассажирам, оба в чинах капитанов третьего ранга, скользнул взглядом. Их возраст и обручальные кольца на пальцах свидетельствовали: не соперники.

Раскрываю глаза и ничего не понимаю. Попутчики привели себя в порядок. Ложечки позвякивают о пустые стаканы. Солидные мужики занимаются моим делом. Читают наперебой попутчице стихи, явно не светловские и не любимого мной Уткина. Вслушиваюсь, вроде знакомые интонации, но слышу впервые. Пытаюсь вклиниться в разговор, меня выталкивают:

– Не можете Вы знать, это наш гардемарин, в Дальневосточном военно-морском училище написал. Сахаров. Жаль, погиб парень, а то вырос бы в большого поэта.

Забегая вперёд, эдак лет на пятнадцать, скажу: вновь довелось услышать декламацию поэмы Сахарова «Гардемарин» (довольно смелое название в годы, когда слова «офицер» и «золотопогонник» только-только перестали быть ругательствами и обрели права гражданства). В исполнении капитанов первого ранга. Выпускники разных училищ, перебивая и дополняя друг друга, декламировали запомнившиеся с юности стихи. Случилось это в Севастополе, в гостях у дочери бывшего сослуживца отца. Супруга командира крейсера «Слава», капитана первого ранга, отмечала свой день рождения в тесном кругу командиров крейсеров.

«Гардемарин» у меня по началу не связался с фамилией Валентина Николаевича. Успел подзабыть о том случае в поезде. Да во время бдений над очередным сатирическим обзором из уст В.Н. сорвалась уже знакомая мне строка. То ли сцена в училище, где «радуя начальства взгляд, таланты разные гремят», то ли интимные подробности: «И тают, если вы не дуб, снежинки на её ресницах, от слишком близких ваших губ».

Немного лирики Сахарова удалось опубликовать в киевском русскоязычном журнале, тогда он назывался «Советская Украина». Всё, расчёт окончен! Произведения Валентина Николаевича находили однодумцев без помощи печатного станка. Он-то не переживал, у него забот на производстве выше головы, а я пытался исправить ситуацию. Время от времени посылал «Телегу» и другие вещи в толстые столичные журналы. Получал односложные ответы за подписями членов Союза писателей, подрабатывающих консультантами.

В ответ на моё предположение:

– Мне кажется, эта поэма (стихи) заслуживает внимания вашего журнала...

Получал неоднозначную отписку:

– Нет, нам так не кажется... – Чуть ли не хором произносили люди, чьи фамилии обычно звучали отдельно от стихов, поскольку фамилии (особенно псевдонимы!) ещё можно запомнить, а вот стихи...

Том Сахаровских стихотворений всё же вышел отдельным изданием. В иную эпоху. Валентин Николаевич не раскрыл книгу, не подержал её на ладони. По такому случаю собрались несколько десятков человек. Люди, у которых, воспользуемся мрачноватой заводской шуткой, «остался сахар в крови». Книга стала памятником заводу «Арсенал» и его мощному Центральному конструкторскому бюро. Производственные цеха на Печерских холмах один за другим позанимали конторы и ведомства. Да модные рестораны.

Уже лет тридцать, как не могу проверить на Валентине Николаевиче своих догадок, вынужденно шагаю самостоятельно. Верю в прогресс, но вслед за В.Н. не спешу отдавать предпочтение технологическим новшествам. Опираюсь на давнее замечание Командора (прозвище, что стало уважительным псевдонимом):

– Всем хороша зажигалка, но ею нельзя ковыряться в зубах...

Сверялся и оглядывался на Валентина Николаевича при взаимоотношениях с начальством, с подчинёнными. А его мгновенная реакция на чужую беду? Шли как-то на завод (возможно, из ресторана «Копытó» на ипподроме, где после получки порой имели наглость обедать), нас обогнал мотоцикл с коляской. Вдруг впереди шум-треск, мотоцикл заглох. Валентин Николаевич сорвался с места, в три-четыре своих шага оказался у дома, куда врезался мотоциклист. Высвободил из-под сидения пассажира...

А его эпиграммы? За десятилетие до того, как С.В. Гусовский занял кресло директора завода, Сахаров выпустил из рук двестише: «О нём и говорить боюсь, скажу одно: вот это Гусь!». Когда кресло под директором зашаталось (должность такая, твёрдости под ногами не бывает), Гусь, в смысле Гусовский, подставил под гнев главка и украинского ЦК своего главного инженера – Сахарова. Правда, должность главного, называлась иначе – зам по производству. Вывалил на решающие головы тщательно собранный и отредактированный компромат.

Сахарова смайновали до зама самого себя, до заместителя начальника ЦКБ по науке. Несправедливость отразилась на здоровье, укоротила жизнь. После войны, когда из-за туберкулёза отчислили из училища, пришлось поставить крест на военно-морской карьере. Более тридцати лет я смотрел на Валентина Николаевича снизу-вверх, общались больше на стихотворном поле. Мясо отдельно, мухи отдельно. Лишь на похоронах увидел иконостас высших в стране наград, начиная с ордена Ленина и Государственной премии. В компании, собравшейся по поводу книги В.Н. Сахарова, глухо звучало, что многие разработки Сахарова до сих пор на вооружении. Спустя тридцать лет не сняты, модернизированы.

Жизнь развела нас по довольно удалённым друг от друга параллелям. В редакции, как бывало, уже не собраться. Приезжая в Киев, напрашивался в гости. Ради подзарядки. Даже когда у Валентина Николаевича отнялась речь, и он произносил внятно лишь одно слово, но это слово было: «Хо-ро-шо!». Несколько часов общения придавали сил и вдохновляли. Ушли в прошлое минуты и часы, когда ради тренажа сидели и обменивались пародиями друг на друга. Иногда мне удавалось попасть в яблочко, пусть с грустноватым подтекстом: «Я уже и не борюсь, нет с народом слада, если знают наизусть – издавать не надо!».

Не знаю, да и не хочу знать, как отнеслась к смерти Владимира Высоцкого многотысячная масса членов Союза писателей. Чего-то не припомню их выступлений в прессе. Читателей грустное известие повергло в шок, сравнимый разве с гибелью на дуэли Пушкина. В лето Московской олимпиады я осваивал в Киеве квартиру в новом доме. Валентин Николаевич приехал поговорить.

Коллеги из Москвы сообщили ему о случившемся. В Киеве ещё никто не знал. В тот вечер Валентин Николаевич читал стихи Высоцкого. Те, что знакомы по авторскому исполнению и те, что я услышал тогда впервые. При жизни поэта их не печатали. Только магнитофонные записи – нелегальная самодеятельность.

Михалыч

Сотрудничество и штатная работа в многотиражке «Арсенала» способствовали налаживанию связей с редакциями республиканских и областных газет. Наладились отношения с Рябухой, Кливцовой и Пархомовским из «Рабочей газеты», с Либманом (зав. отделом фельетонов) и Шиканом из «Правды Украины», с сотрудниками «Киевской правды» Еленой Мандельбаум и Григорием (фамилию не вспомню). Контакты позволили мне публиковать в прессе выше рангом стихи, эпиграммы и стихотворные фельетоны. Но сотрудничество и штатная работа – две большие разницы.

После того, как я обозвал «нецензурными словами» секретаря парткома завода по идеологии за отказ печатать вторую часть «Телеги», меня уволили. К счастью, в кармане диплом об окончании факультета журналистики, что мне давало формальное право претендовать на работу согласно полученной специальности.

В республиканской молодёжке предложили должность внештатника, на гонораре. Добро бы в отделе спорта, там пиши и пиши. Но в отделе рабочей молодёжи, необходимом редакции скорее для отчёта, чем для читабельности, едва заработаешь на трамвай с метро. Пётр Александрович Филимонов, корреспондент «Известий» по Украине, а до войны и в войну – сотрудник «Арсенальца» – подсказал идею: дать полосу о Киеве глазами дореволюционного извозчика и шофёра такси. Опять же в загатнике оставались стихотворные фельетоны, заготовленные для диплома (практического!) и не попавшие в газеты по причине съезда партии.

Месяц, второй, третий. Прихожу на работу, сижу на летучках. В столовую не хожу, гонорары не позволяют. Вдруг один литсотрудник, потом другой отзывает в сторону и поздравляет, сообщает по секрету: ответственный секретарь Евгений Михайлович Северинов убеждал редактора, дескать, Махлина вполне можно перевести на штатную должность.

К тому времени я вошёл в курс редакционных тайн. С редактором сталкивался редко, должность у него представительская. Зам. редактора – тоже завсегдатель высоких кабинетов, но по линии Комитета государственной безопасности. Зато ответственный всю дорогу при исполнении, утром курит, не сходя с места, вечерами свет гасит после всех. Днём иногда в кабинете отсутствует. Значит, вызвали в «топку», в типографию, чего-то там верстальщики права качают.

Бросилась в глаза реакция коллег. Если блестели глаза и спина непроизвольно выпрямлялась, значит, редактор или его зам. выразили неудовольствие по поводу материала. Чем дальше товарищ уходил от приёмной, тем больше светился. Из кабинета отвсека попадали прямо в коридор, вдогонку порой слышалось: «Не унывай, профессор, в следующий раз получится». А всё равно огорчение не убрать улыбкой с лица.

Зато, если Михалыч одобрил твою подачу, да ещё не забыл повторить свои слова на летучке, ощущение, что ты ухватил Бога за бороду, не покидало до следующего появления сочувственного «профессора» в устах ответсека. Казалось, остальные члены триумvirата тоже поглядывали на Михалыча снизу-вверх. Нет,

только казалось. Примерно спустя год неприятная новость: Е.М. Северинов покидает редакцию, вообще рвёт с журналистикой. Нашёл себе место первого помощника капитана на сухогрузе Азовского пароходства.

Конец шестидесятых. Какая-то заварушка в компартии Польши на предмет евреев. Киевский ЦК принял меры. В газете «Комсомольское знамя» пострадал уже свёрстанный номер газеты. По указанию редактора и под контролем его зама проводилась операция по изгнанию «не тех фамилий». В результате заметка резко похудела. Нет, заголовок остался прежним: «Называем фамилии десяти победителей!», но в тексте осталось только шесть безупречных знатоков шахмат.

Больше досталось очерку о передовом опыте бригады Каца. Клише срочно сняли с деревянной колодки и отправили на переплавку. Члены бригады Каца на фото остались, но самого бригадира вырезали. Постыдные манипуляции оба начальника заставили проделать выпускающего Бориса, который, в отцы им годился. Его национальность и, следовательно, эмоции, оба начальника не сочли нужным пощадить. А Евгений Михайлович смолчать не смог.

В 1953-м, после окончания харьковского университета, Михалыч поехал работать вместе с женой, своей однокурсницей, Лорой. Вслед за мужем она оказалась в Донецке, потом в Киеве. И хотя по утверждению Евгения Михайловича: «журналистка талантливая, каких поискать», – с работой не заладилось. Много лет трудилась внештатницей в «Рабочей газете». Евгений Михайлович, а он был скуп на похвалы, ставил её способности выше своих. Значит, так оно было. Огорчался, когда жене в очередной раз отказывали в штатной работе, возмущался на весь коридор, где, с правой стороны, размещался двуязычный орган ЦК КПУ:

– Эти антисемиты из «Рабочей газеты» не хотят брать на работу мою жену!

Честный перед собой до щепетильности, после трёхгодичного скитания по морям, где по его выражению «прошла любовь, завяли помидоры», ушёл из семьи, оставив жене и дочке квартиру. Скитался по наёмным. Женился, опять на еврейке. Дал падчерице свою фамилию, что позволило девушке поступить и окончить пединститут. Пришла пора думать не о себе, думать о детях. Вслед за падчерицей и женой уехал в Израиль. И там остался верен кодексу чести до конца.

Перед отъездом побывал у постели умирающей Лоры. Женщина много раз по командировке своей газеты побывала в Чернобыле. По этому случаю её, наконец, взяли в штат. Надо же кому-то грамотно описывать ситуацию с аварией ЧАЭС. У Лоры обнаружили онкологическое заболевание.

Не у неё одной. Лена Мальденбаум из «Киевской правды», которая так и не смогла мне помочь досконально овладеть украинским языком, считалась чуть ли не летописцем Чернобыльской АЭС, примерно в то же время она ушла из жизни. Перед отъездом Северинова в Израиль заболела Нэлочка Рудковская. При мне в «КоЗе» («Комсомольском знамени») она заведовала отделом культуры, позднее многие годы работала в популярнейшем журнале «Радянська жінка». Евгений Михайлович навещал больную, иногда вместе со мной. Весь год я регулярно сообщал Северинову о самочувствии Нэлочки, писалось всё тяжелее. Болезнь брала своё. Накануне Нового

года сплеховал, поленился отвезти письма на Главпочтамт, отправил с районной почты около дома.

Ночью резкий звонок по межгороду. Евгений Михайлович: «Что случилось, почему нет писем о Рудковской?». Успокоил, как мог, извинился за неповоротливость почты. А через день или два опять межгород. Жена Евгения Михайловича, Люся, не сдерживая слёз, рассказала, что Евгений Михайлович заснул и не проснулся – тромб закупорил сердце. Через неделю хоронили Нэлочку Рудковскую. Для Михалыча она осталась живой. Как жил, Михалыч, так и умер, принимая близко к сердцу судьбы людей. Перегрузил сердечную мышцу выше всякой нормы.

К счастью, Северинов после флота вернулся в журналистику. С багажом морских впечатлений плюс точное знание грустного факта, что знаменитая украинская «паланьця» обретала пышные формы исключительно благодаря импортной твёрдой пшенице. Почему-то колхозы с совхозами отгружали в закрома Родины исключительно фуражное зерно. До конца девяностых Евгений Михайлович успел поработать ответником журнала ЦК КПУ, заведующим отделом в украинском филиале ТАСС. И здесь подобрал интересно пишущую братию. Говорю это, как редактор районной газеты. Обычно отправлял в корзину тассовские письма не читая, а тут раскрыл и понаходил кое-что интересное. Даже для жителей глубинного района Мурманской области.

Привозил Михалычу свои газеты, до сих пор ощущаю его одобрение. Вроде, как орден ношу. В числе первых официальных шагов на Украине к независимости стало создание автомобильного журнала «Сигнал», аналога популярного московского издания «За рулём». Северинов убедил: хватит, повкалывали на агитацию с пропагандой, пора заняться человеческим делом, необходимым и полезным. Надеялся, что сей законный сын ГАИ (Государственной автоинспекции) будет свободен от направляющей десницы Министерства внутренних дел. То бишь милиции. Поначалу так и было, но охранное ведомство долго поститься не привыкло. Успели мы оба поработать в частных газетах, один раз даже поменялись ролями – я стал начальником.

Михалыч старался приучать к рыночным отношениям падчерицу и её подругу, доказывал, что торговать на базаре яблоками, выращенными в собственном саду, похвально и в духе времени. Его от миазмов преобразований воротило. По-прежнему, резал правду-матку в глаза, независимо от статуса собеседника. Не успокоился в Израиле, где возможность пойти в шортах в кино или в ресторан в ноябре-декабре радовала. Но необходимость заплатить хозяину за право по ночам убирать пляж (другой работы нет и неизвестно) возмущала и на голову не налазила.

На финише нашей переписки я узнал, что Северинов не чужд стихотворчеству, что, возможно, журналистские заботы погребли в нём поэта. От себя добавлю – эпитафиста тоже. Многолетний постоянный автор «Комсомольского знамени», сотрудник севастопольской радиостанции и драмтеатра Борис Эскин, продолжал контактировать с Михалычем в Израиле, поделился смешной и точной двустрочечной эпитафией. Северинов пожелал Боре писать так, чтобы не было стыдно поместить стихи на заборе.

Всё возвращаюсь к стихотворениям Северинова в одном из последних писем: «Как-то раз бреду по Хайфе я и всё думаю, куда? – Вы, случайно, не из Харькова? – Ну, конечно, господа!». В заключительной строфе, того же накала грусть: «Как трава, бывшее скошено. И хоть память горяча, Не ходите, люди в прошлое, Вас там некому встречать!».

Натаныч

Заступил на работу в детскую газету и впился глазами в стихи «Орлова из Симферополя», убедил редактрису послать в командировку, побывать у автора гениального стихотворения, состоящего из двух существительных, одного наречия и одно предлога: «У арбуза – всюду пузо!».

Владимир Натанович читал стихи до ужина, во время и после. Жена, Нонна Гавриловна, слушала и наслаждалась вместе со мной. Пока очередь не дошла до восьмистишия о корабле, что в море вспоминал о шершавой стене причала, а дома у стены мечтал о море. Супруга поставила блюдце с чаем на стол и внятно, по слогам, изрекла:

– Чего ты второй раз читаешь при мне эти стихи? Я тебе уже сказала: хочешь в Москву – езжай!

Гостил у Орлова в недоброе для него время. Его книги перестали выходить в столице. Отказалась продлевать с ним договор местная «Таврия». Миниатюры перестали появляться на 16-й странице «Литературки». Собственно, с неё все беды и начались. Впервые за многие годы газета в среду к читателям не попала, пришла в четверг. Машина в типографии гудела всюду, как вдруг редактор коснулся взглядом 16-й страницы и обомлел. На первой стояла официальная ТАССовская восковка о том, что войска Варшавского договора вошли в Прагу, а на последней – две строчки Орлова, пролежавшие в портфеле редакции с полгода, если не больше: «И я, и вы, и все мы братья! – Сказал удав, раскрыв объяття».

Вскоре я оказался на севере. В городке на границе с Финляндией разворачивалась Всесоюзная комсомольская стройка. Владимир Натанович неделю выступал перед строителями и школьниками. Потомственный крымчанин никак не мог взять в голову, что зимой по скользкой дороге – самая езда.

С мясом в городе, как и во всей области, становилось всё хуже. Зато обком партии проявил самостоятельность, оставил добрую часть улова мойвы, трески, окуня и палтуса. Словом, командировку Нонна Гавриловна очень даже одобрила.

Орлова напутствовал не кто-нибудь, а зачинатель детской литературы, подаривший книгу с такой надписью: «Дорогой мой Юрий, твой отец знаком по литературе с дедом Маршаком». Ещё один нюанс. В справочнике Союза украинских писателей упакованы фамилии, адреса и телефоны более чем тысячи гениев с удостоверениями члена Союза в кармане. Вдобавок приведена информация об образовании, партийности и прочих персональных данных. Так вот, В.Н. Орлов – единственный писатель на Украине, во-первых, не имевший партийного билета, а во-

вторых – не получивший даже среднего образования. Так и написано: «незаконченное среднее». Штрих, характерный для биографий его сверстников. Какая школа в войну, в эвакуации?

Ловлю себя на желании вылить на бумагу стихи Володи, они полвека со мной, жить помогают. Поддерживают, поднимают настроение. Но попридержу себя. Сошлюсь на утверждение литературоведов, что стихи Орлова давно живут самостоятельной жизнью. Стали друзьями, без которых не обойтись.

Орлов обладал оголённым чувством слова. В чём-то сравнимым с пальцами минёра, ощущающими дыхание взрывчатки. В разговоре с ним приходилось держать ухо востро:

– Что нового?

– Да вроде без изменений, разве усы запустил...

– Куда?

Если в ответ на вопрос типа «Как живёшь-можешь?» отбояришься стандартным «ничего себе», тут же последует: «Как это, себе и ничего?». Вопросил человек, помогавший – по просьбе и без – окружающим, частенько в ущерб себе и своей семье.

Коренного крымчанина возмущало, что жильё на территории Всесоюзной здравницы досталось только автору гимна Михалкову, а Маршак, для лёгких которого воздух Крыма считался лекарством, мог претендовать разве на комнату в санатории писателей в Ялте. До революции признанные ценители литературы – критик Стасов, писатель Максим Горький – лично озаботились, чтобы юный гимназист Маршак несколько лет вентилировал лёгкие крымским воздухом.

Летом Владимира Натановича можно было застать в одном из пионерских лагерей, включая «Артек» (слова гимна этого лагеря написаны Орловым). Или на вокзале, в аэропорту, на дорогах к морю и обратно. Пока ноги не подводили В.Н. встречал и устраивал на отдых коллег по поэтическому цеху и просто знакомых. Когда моему сыну после аварии потребовалось укрепить здоровье, я обратился к Орлову. Сорок дней сын провёл в районе Коктебеля.

На излёте перестройки оказалось, что Владимира Орлова не только дети, но и взрослые считают своим поэтом. В.Н. так и назвал книгу: «Прочтите взрослым!». Включил в неё миниатюры, что украшали 16-ю страницу «Литературки». И тексты песен, так здорово озвученные певицей Толкуновой. Многие стихотворения Орлова вошли в серию «Антология Сатиры и Юмора России». Как правило, составители антологий – москвичи, они отбирали у сторонних авторов не самый цимес, а так, чтобы их вклад не бледнел. Возможно, я ошибаюсь, но эти мысли приходили в голову, когда раскрывал очередной том.

Упали и усохли до неприличия тиражи книг, с ними и гонорары. Гонорары порой поприобретали странные формы. Частное издательство в Днепропетровске, выпустившее в свет миниатюры В. Орлова под названием «Еврейское счастье», рассчиталось с автором... пачками книг. Дескать, в свободное от сочинения время

открой у подъезда лавочку и торгуй. Дарить свои книги Орлов любил и умел, а торговать... Вообще не понимал, что это такое и с чем его едят.

Попытался было занести книгу в синагогу рядом с моим бывшим домом на Киевском Подоле. Ребе, недавно прибывший из Америки, по-русски говорил с трудом. Но, едва глянув, попросил очистить помещение от непрофильной литературы. Орлов в этой книге зафиксировал кардинальные изменения в стране. На вопрос, принимают ли на работу евреев, герой миниатюры отвечает: «Берём, берём! Берём без промедленья!». Встречный вопрос: «А где берёте, если не секрет?».

В начале века детская библиотека Симферополя стала носить имя Владимира Натановича Орлова – последний самостоятельный поступок автономной республики, терявшей крохи самостоятельности в составе Украины. В пику набиравшей силу украинизации всего и вся. Дескать, русским есть чем гордиться в Крыму. Должно быть, после известных событий на территории полуострова весной 2014 года, новое имя библиотеки не пришлось по вкусу. По крайней мере, на мои письма и предложения прислать воспоминания об Орлове библиотека перестала отвечать.

Вместе с женой мы гостили у Владимира Натановича и Нонны Гавриловны в середине девяностых. Привезли инвалидную коляску, самостоятельно передвигаться без костылей поэт уже не мог. Жилось всё труднее. Книги перестали выходить даже в «Детгизе», гонорары из газет иссякали. Разве срабатывала защита авторских прав драматурга. Бывшие республики Союза продолжали ставить спектакли по пьесам Орлова. Но пьесы кукольные и гонорары соответствующие. В Симферополе то и дело отключали свет, воду, газ. Батареи отопления одна за другой фонтанировали тонкими струйками. Благо, Нонна Гавриловна запаслась пачкой иголок китайского производства, онигодились для затычек.

Письмо Володи, пришедшее за пару недель до грустного звонка Нонны Гавриловны, было посвящено стихам юной поэтессы из пригорода Симферополя. Орлов просил их опубликовать при первой возможности и послать гонорар:

– Бедствует человек! Обещает вырасти в хорошего писателя.

Верил ли Орлов в Бога? Посещал ли тайно, как подозревала управдом из «Бриллиантовой руки», синагогу или церковь – не знаю. В письмах слово Бог (из присказки или поговорки) писал с большой буквы. Как-то врезал мне по мозгам. Я похвастался удачной, на мой взгляд, строкой, которую никак не мог приткнуть к стихотворению: «Апостолы, столпы моей системы!».

– Понимаешь – сказал он – я бы до подобных каламбуров не опускался.

Что же касается антипода Бога, сатаны, интуиция Орлова не подводила. Один из первых украшателей Киева в независимой Украине поместил стеллу на центральной площади, рядом с Главпочтамтом. От её подножья отходили стрелки к названиям 25 областных центров, в том числе Симферополя. С цифрой расстояния от столицы до областного центра. Рядом с Симферополем стояло – 666. По телефону проинформировал Владимира Натановича. В ответ – тишина. Уже решил, что связь прервалась, как вдруг резкий голос из трубки:

– Идиоты, с чем шутить изволили, накличут беду! И не малую.

Наверное, в Киеве нашлись знатоки, попросили главу города перемерить расстояние новой рулеткой, написали 667 (до сих пор так значится). Но Владимиру Натановичу я об этой цифре не смог сообщить. Орлов в конце 1999 года ушёл из жизни. Ушёл, так и не узнав, что его мрачное предвидение сбылось на все сто процентов...

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Аня

Мужская дружба крепче и надёжней стали! Согласен на все сто процентов. Но грамматически слово «дружба» – женского рода. Как тут быть? Помню, знаю, читал: контакты с женщинами дружбой не назовёшь. Мировая литература по такому случаю нагромодила сорок сороков красок и понятий. И всё же посмею вставить свои. Кои позволят мне воздать должное – поблагодарить за участие и дружбу, щедро, без отдачи меня наградившим.

На мероприятии, охватившем в начале шестидесятых молодёжные коллективы страны, познакомился с Анной. Говорю о Клубе весёлых и находчивых, о КВН. Поверьте слову, телевизионщикам было из чего и из кого выбирать. Так получилось, что в команде цеха заводских лабораторий (самого малочисленного по количеству работников) киевского «Арсенала» мы с Аней Глузберг выступали в роли «певцов за сценой». Глузберг генерировала идеи, находила темы, думала над оформлением. А я, сотрудник заводской многотиражки, перелагал монологи и реплики в стихотворную форму. Меня «охмурили», было кому.

От многотысячного завода и его ЦКБ остались одни воспоминания. Ушли в небытие изделия сего засекреченного «почтового ящика». А шутки, походя брошенные физиком Анной Глузберг, до сих пор поднимают настроение. Команда ЦЗЛ целиком состояла из представительниц слабого пола. Утверждение, что «у команды – самые умные ноги в Киеве», никто не попытался оспорить. Опять же, команда (в шестидесятые годы!) выходила на сцену под красным транспарантом в белый горошек, с текстом основоположника: «Сила женщины – слабость! Карл Маркс». Хватало и обиженных, мечтающих повесить замок на Анины уста.

Около двадцати лет я провёл вне Киева, в газетах Кольского (Скользкого – по Аниной интерпретации) полуострова. Все эти годы она меня, вынужденного эмигранта с родины, поддерживала морально. Сообщала, что и где (в каком журнале) следует обязательно прочесть, намотать на ус. После Чернобыльской трагедии Аня взяла шефство над моими родителями, растолковывала им «жуткий курс физики» из своего университетского прошлого.

Среди неоплаченных долгов моих – последние годы жизни Ани. В конце девяностых – начале нулевых всем было трудно. Анне труднее всех. Похоронила родителей. Заводу, которому отдала всю жизнь, не нужна. Мог бы не только время от

времени позванивать, мог бы чаще заезжать. Да что теперь говорить. Долги надо отдавать из рук в руки, а не обливаться потом слезами.

Люда

Волей-неволей приезды в Мурманск начинались и заканчивались в Доме печати, в нём дислоцировалась областная «Полярная правда».

В конкурентной среде Люда выделилась. Недаром, вопреки устоявшимся правилам, вскоре назначили заведующей отделом социальной сферы. Её очерки о климате в семье рыбаков и моряков, о взаимоотношениях между детьми и родителями, о вкусе куска хлеба – читатели «Полярки» искали на полосу, писали ей письма, просили совета. А то и требовали рассудить домашний конфликт. В областной газете хватало энергичных перьев, поставлявших в областное издательство тексты для рекомендованных брошюр. Только к Людмиле Георгиевне издательство обратилось с просьбой собрать очерки из газеты в отдельную книжку.

Мы с Людой фактически однолетки, полгода туда-сюда – не считаются. Но ей пришлось пробиваться в газету тяжелее. Она старший ребёнок в семье, оба брата – младше. Эвакуация со всеми тяготами, постоянная тревога о младших. Забота о зарботке поглотила школьные годы, не отпускала до пенсии. Я ведь о главном умолчал. Родилась Люда в городке под Одессой, в интернациональном котле бывшей Российской империи. Что мама еврейка – стало бедой после войны. Но папа – немец. Начиная с июня 41-го сами понимаете, чем это грозило.

Когда слышу фразы типа «невзгоды не сломили, а закалили», вспоминаю о Люде Павловой. Сколько её видел в редакции ли, в новом шикарном жилом доме на центральной улице, всегда она кого-нибудь утешала или подбадривала. А уж попасть к Люде в отдел у молодой поросли «Полярки» считалось необыкновенным счастьем.

С личной жизнью, как принято выражаться, не срослось. Но Люда сумела и эту неприкаянность повернуть светлой стороной – удочерила сироту из детского дома. Вырастила Вику хорошим, трудолюбивым человеком, пусть школьные науки ребёнку трудно давались. Как вышла на пенсию, ради дочери, поменяла место жительства, переехала в Латвию, поближе к братьям. Чтобы летом не замораживать себе голову адресом отпуска. И подальше от досужих разговоров о неродной дочери. С латышским языком у Люды не было проблем, она окончила филологический факультет Рижского университета. Но во всём остальном... В августе 1991 года мы с семьёй побывали у Люды в гостях. Разного наслушались. И если бы не опора в лице Вики и двух внуков... И та, и другие были с Людой до конца.

Жёны друзей

Жёны друзей свою порцию комплиментов, конечно, получали. С годами, действительно, составили половинку близкого тебе человека. Приходил в гости к обоим. Жена друга – облагораживает родной тебе дом, где, по словам Иосифа Уткина

«длинный час, где робкий фартук, где ровно, в сентябре и в марте, встречаются солнечным лицом». Когда контакт по каким-то причинам с хозяйкой не налаживался, близость с главой семьи утоньшалась и прерывалась.

Подтвердились данные статистики: жёны живут дольше мужей. Но вместе с ними живёт память о близких тебе людях.

Случаются исключения. Говорю о жене Вити Эйдельмана, о Гале Смирновой, что в мрачноватые времена одолжила мужу, а значит, и обоим сыновьям, свою девичью фамилию. Коренная Ленинградка, она так рассказывала о фонтанах в Мариенгофе, что виртуальные серебряные струи воды хотелось потрогать. Вроде твёрдую профессию имела на руках, а поехала вслед за мужем-горняком на Кольский полуостров, обеспечивала ему уход и заботу в Оленегорске, Ковдоре, Заполярном, опять в Оленегорске.

Дети болели, с врачами не всегда везло, но в том, что Витя имел возможность целиком отдаться работе на рудниках – а там и радиация, и постоянные взрывы, и стычки со смежниками – заслуга Гали. Хвори её одолели. Она навсегда осталась в Оленегорске. Завещала кремировать себя и развеять прах над городским кладбищем...

Расстались и хорошо

«Никогда не возвращайтесь в прежние места...». К первым привязанностям – тоже. Говорю о лицах противоположного пола. Какое-то время тлел интерес друг к другу, но так и не перерос во что-нибудь. Поцелуи к делу не пришьёшь. Расходились без грусти и печали.

Возраст подваливает под девяносто. Друзей нет в живых. Жёны их трепыхаются – дай Бог им сил и здоровья! А вот встречаться с объектами былых увлечений не стоит. Не потому, что возраст не красит женщину. Ты и сам не подарок – ежедневно убеждаешься во время утреннего туалета. Женщина прожила без контактов с тобой полвека и больше, прожила жизнь с другим человеком. Часто отнюдь не с твоим родственником по духу.

В техникуме в нашу литстудию зашла и влюбила в себя двух моих друзей симпатичная брюнетка, с глазами цвета спелых вишен. Литстудиец, ставший профессиональным поэтом, посвятил прекрасной незнакомке тетрадку стихов. Вишни, как маленькие планеты, висели у него над землёй, наливаясь соком и солнцем. С другим её поклонником мы часто, не взирая на интонации первой и второй его жены, да и моей супруги тоже, вспоминали прекрасную незнакомку, помнившую наизусть сборник Константина Симонова «С тобой и без тебя». Воспоминания грели душу.

Что-то меня дёрнуло спустя десятилетия возобновить знакомство. Говорить и молчать не о чем – само собой. Дама вывалила на меня целый воз своих умозаключений. От любительницы стихов ничего не осталось. Ощутить масштабы перемен в духовных устремлениях человека было горше, чем сравнивать далёкий облик с той, что сидела перед глазами...

АВТОР БЕЗЫМЯННОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Давно перестал сравнивать достоинства друзей со своими, да сейчас это не имеет значения. Если о чём сожалею, так о том, что не могу с ними поделиться знакомством с легендарным человеком – воином, поэтом, врачом. Ионом Лазаревичем Дегеном. За десять лет переписки мы только два раза виделись и вживую разговаривали. Остальное время общались по компьютеру. Ион Лазаревич – напрямую, я посредством жены Татьяны.

Потомок мастера по ковке мечей, выписанного польским магнатом в Белгород-Днестровский, сын известного на всю округу фельдшера, Ион в июне 1941 года вместе с ребятами своего девятого класса ушёл на войну. Отступление, потеря друзей, ранение, переправа поздней осенью через Днепр, выход из окружения, служба в разведке бронепоезда в предкавказье. Опять ранение, танковое училище, наступление. Позади Белоруссия, где его танк «водных преград не заметил», освобождение Вильнюса, прорыв к Кенигсбергу... Имя и фамилия Дегена выбиты на одном из монументов павшим за взятие Восточной Пруссии. Долгое лечение в госпитале. Вынужденный перевод в Черновцы, поскольку разросшийся до самостоятельного института медицинский факультет Киевского университета располагал учебными корпусами в разных концах города. Человеку на костылях такие препятствия не по ногам.

В офицерском планшете девятнадцатилетний Ион вместе с картами носил свои стихотворения. Одни публиковала дивизионная многотиражка, другие запомнились сослуживцами и пошли гулять по фронтам, как безымянные. Свидетельствую, со ссылкой на газету «Известия». Два раза, в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия, она поместила воспоминания ветеранов войны и оба раза авторы в качестве эпитафии поставили безымянные, как они считали, восемь строк:

Мой товарищ, в смертельной агонии

Не зови понапрасну друзей.

Дай-ка лучше согрею ладони я

Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,

Ты не ранен, ты просто убит.

Дай на память сниму с тебя валенки –

Нам ещё наступать предстоит.

Литературные генералы, перед которыми офицер резерва, лейтенант Деген, выступил со стихами, обвинили автора в воспевании мародёрства и прочих нехороших поступках. Лишь в начале девяностых Евгений Евтушенко восстановил справедливость, опубликовал восьмистишие Дегена и другие его стихи («Генеральская зелень елей и солдатское хаки дубов...») в антологии «Строфы XX-го века».

Не меньшего уважения достойны труды доктора медицинских наук, ортопеда И. Л. Дегена. При том, что работал он не в специализированном институте – в Киеве их до десятка – а рядовым врачом районной больницы.

Коммунист, вступивший в партию на передовой, награждён орденом Красного знамени, тремя орденами Отечественной войны первой степени, медалью «За отвагу». Высшим польским орденом – «Виртути милитари», за Вильнюс.

В конце нулевых ветерана Отечественной пригласили из Израиля в Киев. Председательствующий в зале Дома офицеров озвучил предложение: представить Дегена Иона Лазаревича к званию Героя Украины. Проинформировал: в своё время киевский военкомат обращался в Президиум Верховного Совета СССР, но начальство решило, что у ветерана без того много наград. Есть предложение исправить упущение. Зал аплодировал стоя.

Опираясь на пятикилограммовую палочку (руки ортопеда должны быть твёрдыми!) Деген поднялся на трибуну:

– Приятно дожить до восстановления справедливости. Спасибо! Но раз у вас звание Героя присвоено Шушкевичу, я как-нибудь обойдусь...

Президиум онемел, аплодировали задние ряды.

Когда мы познакомились, Ион Лазаревич осваивал существование на пенсии. Появилось свободное время, которого у врача никогда не было. Потянуло на воспоминания. Об однополчанах, об учителях в медицине, о коллегах. Стихи продолжали напоминать о себе. К юбилеям окончания института и просто так. Типа частушки под обобщающим заголовком «От рифмы не уйдёшь». Деген дополнил их четырьмя строчками. Но какими! Остальные, почти пять десятков, ушли вместе со своим временем, а добавка Дегена живёт и впечатляет:

***Иван Иванов издавна
Таскал с собой кусок газеты.
Ему была газета эта
Для агитации нужна!***

Уверен, посвяти себя Ион Лазаревич литературе, одним писателем-классиком стало бы больше. Недаром с ним считал за честь дружить великий киевлянин Виктор Платонович Некрасов. Последний, кому Некрасов позвонил, когда в его квартиру нагрянули с обыском, был Деген. Разговор оборвался на полуслове.

Киевский русскоязычный журнал «Радуга» в начале нулевых публиковал стихи и прозу Дегена, даже выпустил «Избранное». В продажу не поступившее. Издатели и приверженцы таланта Иона Лазаревича выкупили книги и раздали друзьям.

Ион Лазаревич Деген умер на 92-ом году жизни. До последнего часа, борясь с инсультом, пытался закончить стихотворение. В прозе он допускал вмешательство редактора, перечитывать написанное ему было скучно и не интересно. Считал, как вылилось – так и будет. А к стихам испытывал благоговение. Знал наизусть поэмы

Маяковского, «Евгения Онегина», даже «Сон Попова» Алексея Константиновича Толстого. В перерыве партсобрания в больнице, где работал, прочёл сатирическую поэму девятнадцатого века, глядя в глаза секретарю райкома партии. Тот бледнел, краснел, но смолчал и мер не принял. В аппарате райкома-таки нашёлся человек, знакомый с творчеством одного из авторов Козьмы Пруткова.

Татьяна Махлина, Ион Деген и его жена Люся. (фото В. Берсенева)

* * * * *

Яков Махлин
Украина, 2023 год.